

ISSN 1829-4162

РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ

2
2017

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

ISSN 1829-4162

Русский язык

В

Армении

2017

---

2 (105)

**Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում**

Ереван - 2017

Главный редактор – А.М. Амирханян
Ответственный секретарь – А.А. Мирзатунян

Ответственный за номер – В.В. Мадоян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Председатель общества „Армения-Россия”, д.ф.н., профессор, М.Д. Амирханян	А.В. Акопян (ЕГУ)
Вице-президент АПСН С.К. Бондырева	Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна)
Председатель Ассоциации "Педагогическая инициатива" А.С. Испирян	Г.Г. Барикян (Французский университет в РА)
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н, профессор Р.К. Мирзаханян	М.М. Геворкян (АГПУ им. Х.Абовяна)
Академик АПСН, зам.министра МОН РА М.А. Мкртчян	И.Б.Геворкян (ОШ N131 им.П.Яворова),
	А.Б. Кузьминская (ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова),
	М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ)
	В.В. Мадоян (НУАС Армении),
	Г.В. Маркосян („АЙБ” ОЦ),
	И.В. Приорова (РосНОУ, Москва, РФ)
	С.Б. Самуэлян (ЕГУЯСН им. В. Я. Брюсова),
	Р.В. Татевосян (АГПУ им.Х.Абовяна)
	А.Я. Хачикян (ЕГУЯСН им. В. Я. Брюсова).
	К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ).

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать А.А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 1500: Ծավալը՝ 4 տպ. մամուլ:
Հանձնված է տպագրության՝ 25 .07. 2017թ.
ՎԱՃԱՌԻ ԵՆԹԱԿԱ ՉԷ:

Издатель

ЗОО „Национальный институт образования” РА.

Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.

www/http: aniedu.am

E-mail: info@aniedu.am

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Ответственный за издание журнала **А.Амирханян**

Формат 70X100 1/16. Объем 64 стр. Тираж 1500

Сдано в печать 25.07. 2017 г.

Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին պարտադիր է:

Դպրոցներին անվճար տրվում է մեկ օրինակ, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

МЕТОДИКА

РОЛЬ И МЕСТО ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

М.Э. ЛИНЁВА

Опорная гимназия при АГПУ им. Х.Абовяна

В русском языке очень сложная, развитая система префиксации. Это касается всех частей речи, в частности, глагола. Понимание значений приставок, правильное использование приставочных глаголов в письменной и устной речи представляется нам первостепенной задачей в практике преподавания. В статье представляется основанная на опыте РКИ методическая концепция представления и закрепления этого фрагмента русской грамматики.

Ключевые слова: приставочные глаголы, семантизация приставок, этапы и направления работы.

Словообразование в школьных программах и учебниках по русскому языку занимает мало места. А между тем именно словообразование играет важную роль в формировании русской языковой картины мира, в понимании особенностей и возможностей русского языка. Знание закономерностей русского словообразования, общих значений словообразовательных морфем необходимо для усвоения лексики и расширения словарного запаса учащихся, для повышения эффективности и ускорения процесса овладения навыками чтения, устной и письменной речи.

Особое место в системе русского языка занимает префиксальное словообразование, в частности, префиксация глаголов. Как отмечал А.Мейе, “изучать славянский глагол, не принимая во внимание форм с приставками, это значит заниматься абстрактными рассуждениями, удаляясь от реальных фактов языка” [3: 172].

Именно некоторые минимально необходимые методические приемы преподавания этого фрагмента словообразовательной системы русского языка мы хотим представить подробнее в этой статье.

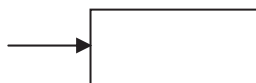
Для понимания и правильного использования русских приставочных глаголов необходимо знание основных (первых) значений приставок, абсолютного большинства которых просто нет в армянском языке

(помнить/вспомнить - հիշել, подогреть/разогреть – տաքացնել и т.д.), а соответствующие глагольные значения при необходимости передаются описательными оборотами или разными корнями (бить - ծեծել, убить – սպանել и т.д.). Особенно ярко семантика префиксов проявляется в тех случаях, когда значение корня практически невозможно определить (например, обнимать, снимать, разнимать, нанимать, принимать, вынимать, разнимать и т.д.).

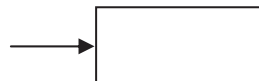
В практике РКИ приставки обычно семантизируются (см., например, литературу в конце данной статьи) после ввода бесприставочных глаголов движения – группы слов, которые уже сами по себе имеют сложные для усвоения армянскими учащимися признаки (однаправленность/разнонаправленность, пешком/ на транспорте и т.д.). В данном случае, когда речь идет о значении приставок, достаточно взять один однонаправленный глагол движения (например, ехать) и на его примере показать значения вновь образованных приставочным способом глаголов, обращая особое внимание на тот факт, что это значение предопределяется значением соответствующей приставки.

Значение приставок, употребляющихся с глаголами движения, можно представить в виде следующих схем.

в- + куда? **в** (В.п.)

под- + куда?/к кому?/к чему? **к** (Д.п.)

при- + куда? **в/на** (В.п.)

+ к кому? **к** (Д.п.)

+ откуда? **из/с** (Р.п.)

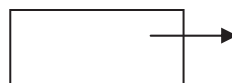

до- + до кого?/до чего? **до** (Р.п.)

вы- + откуда? **из/с** (Р.п.)

+ куда? **в/на** (В.п.)

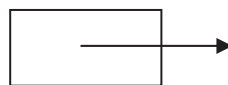

у- + куда? **в/на** (В.п.)

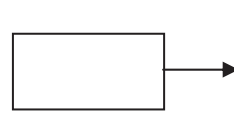
+ откуда? **из/с** (Р.п.)

уходить-уйти

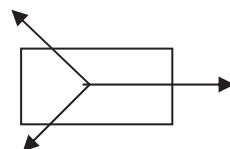
уезжать-уехать

от- + откуда?/от кого?/от чего? **от** (Р.п.)

раз/с-...-ся + куда? **по** (Д.п.)

по- + куда? **в/на** (В.п.)

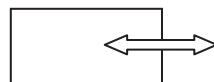
+ к кому **к** (Д.п.)

за- + куда? **в/на** (В.п.)

+ к кому? **к** (Д.п.)

за что? **за** (В.п.)

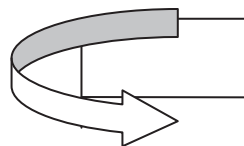

про- + что? (В.п.)

+ **через** (В.п.)

+ **мимо** (Р.п.)

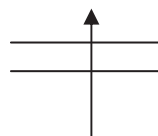
+ к чему? **к** (Д.п.)

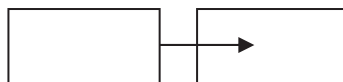
пере- + что? (В.п.)

+ **через** (В.п.)

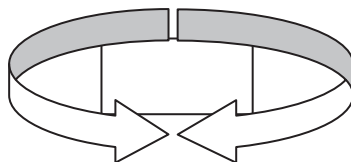
+ куда? **в/на** (В.п.)

+ откуда? **из/с** (Р.п.)

об- + что? (В.п.)

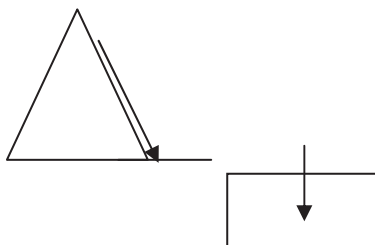
с- + откуда? с (Р.п.)

со- перед **й** сходить - сойти

съ- перед **е** съезжать - съехать

с-...-ся + куда? **в/на** (В.п.)

+ откуда? **из/с** (Р.п.)

Итак, семантизированные таким образом основные значения некоторых приставок можно определить следующим образом:

При- : достижение цели движения (**приехать в, на** + сущ. в **В.п.**);

По- : начало движения (**поехать в, на** + сущ. в **В.п.**);

В – (Во-) : движения внутрь, направленности действия внутрь (**въехать в, на** + сущ. в **В.п.**);

Вы- : движение изнутри (**выехать из** + сущ. в **Р.п.**);

На- : движение сверху (**наехать на** + сущ. в **В.п.**);

У- : отсутствие субъекта (объекта) в данном месте (**ухехать в, на** + сущ. в **В.п.**);

Под- : приближение к чему-либо или к кому-либо (**подъехать к** + сущ. в **Д.п.**);

От- (ото-) : удаление на небольшое расстояние (**отъехать от** + сущ. в **Р.п.**);

Про- : а) движения через, сквозь предмет или пространство (**проехать через** + сущ. в **В.п.**);

б) движения мимо предмета без остановки (**проехать мимо** + сущ. в **Р.п.**);

Пере- : а) направления действия через предмет (**переехать через** + сущ. в **В.п.** = сущ. в **В.п.**);

б) перемещения с одного места на другое (**переехать из** + сущ. в **Р.п.** + **в, на** + сущ. в **В.п.**);

До- : доведение действия до конца, до определенной границы (**доехать до** + сущ. в **Р.п.**);

За-: а) движения за предмет или движения вглубь (**заехать за** + сущ. в В.п.);

б) значение попутного действия (**заехать к** + сущ. в Д.п.);

О- (об-, обо-) : а) движения вокруг предмета (**объехать вокруг** сущ. в Р.п.);

б) движения мимо, в обход (**объехать**);

С- : движение сверху вниз (**съехать с** + сущ. в Р.п.);

Раз- (рас-) : направление движения из одного места в разные стороны, в некоторых случаях с. **–ся (разъехаться)**.

Это только первый этап работы, но он очень важен, поскольку призван создать у учащихся навык при определении значения приставочного глагола, при выборе нужного глагола для использования в речи учитывать семантику приставки. В дальнейшем работа над новыми глаголами русского языка должна развиваться в двух направлениях:

1) при вводе каждого нового глагола нужно представлять и его приставочные разновидности;

2) расширять количество приставок и уточнять условия реализации того или иного значения;

Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений.

1. Практически каждый русский глагол способен присоединять определенные приставки и таким образом, несколько менять свое значение. Умение это понимать и осуществлять должно закрепляться на каждом уроке, при каждом удобном случае. Такая работа занимает мало времени, но главное: она должна вестись регулярно, чаще всего в виде коротких увлекательных заданий и со временем стать автоматическим навыком, применяемым при чтении незнакомых текстов, при выборе приставки в устной речи и т.д.

Для осуществления такой работы есть много типов заданий и упражнений. Приведем некоторые из них. Семантические особенности приставочных глаголов можно показывать на разных предметах (рассказывать «предметно»): *рвать* – лист бумаги (*вырвать, оторвать, разорвать, сорвать* и т.д.); ученику предлагается к каждому из предложенной пары существительных подобрать соответствующий глагол и объяснить свой выбор через значения приставок (*торт и колбаса – нарезать и разрезать; ваза и стекло – разбить и выбить; гипс и мокрый платок – наложить и приложить* и т.д.); описать ситуации, в которых следует использовать один из данной пары глаголов (*разобрать и подобрать, просмотреть и рассмотреть,*

выписать и дописать и т.д.). Для составления заданий подобного типа можно использовать слова из любых текстов и из других упражнений.

2. После усвоения семантики приставок, часто используемых с глаголами движения нужно постепенно объяснять некоторые особенности использования разных морфем в составе глаголов, увеличивать количество семантизируемых приставок и/или значений уже известных приставок. Следует, например, постоянно отмечать семантические возможности использования глаголов с постфиксом *–ся* и без него (*разбить – разбиться, убить – убиться, срезать – срезаться, вырвать и вырваться, оторвать – оторваться* и т.д.); возможность реализовать в контексте переходность (*оторвать от чего? и оторвать что?*); указывать на более точное значение приставок в составе глаголов, не относящихся к выделяемой в русском языке группе глаголов движения (*под-* снизу: *подписать, подрезать* и т.д., *у-* окончательность действия: *убить, урезать, услышать* и т.д., *пере-* с одного места на другое, еще раз: *переписать, перечитать* и т.д., *при-* неполнота действия: *прилечь, приоткрыть, придержать* и т.д.) . Новые значения уже известных приставок и/или новые приставки следует вводить как словообразовательный элемент простейших глаголов (*подписать, надписать, избить, взбить* и т.д.). Закреплять эти знания следует упражнениями примерно такого же типа, какие описаны выше.

Кроме того, полученные навыки и знания можно использовать и при усвоении других грамматических фактов. Таковым, например, является префиксальное видообразования – тоже сложный для понимания фрагмент русской грамматической системы. Самыми эффективными в этом случае являются упражнения, в котором через значение приставки объясняется ее выбор при построении видовой пары (*слышать – услышать, писать – написать, будить – разбудить* и т.д.) или разница в значении глаголов обоих видов (*слушать – послушать, но слышать – услышать, смотреть – посмотреть, но видеть – увидеть*).

Со временем можно представлять учащимся и более сложные модели, по которым образуются русские глаголы. Таких моделей много, но роль учителя заключается в том, чтобы выбрать самые частотные (например, *на + корень глагола + ся: наговориться, насмотреться, наиграться; за + корень глагола + ся: заиграться, засмотреться, заслушаться; про + из(с) ...: произносить, производить, происходить* и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что овладение русским словообразованием, в частности, знание семантики приставок интенсифициру-

ет процесс накопления активного словаря обучающихся и создает условия для пополнения их потенциального словарного запаса, который расширяет речевые возможности учащихся, помогает им на основе имеющегося словарного запаса и языковой догадки самостоятельно понимать в процессе чтения не встречавшиеся ранее слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.Г., Латышева А.Н. Лингвистические основы РКИ. Педагогическая грамматика русского языка (учебное пособие). М.: Флинта, 2003.
2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразования (учебное пособие). М.: Флинта, 2008.
3. Мейе А. Общеславянский язык / Под ред. С.Б. Бернштейна. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
4. Николенко Е.Ю. Эффективные методики преподавания русского языка как иностранного в современной информационно-коммуникативной ситуации. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.
5. Эндрюс Э.Н. Русские глагольные приставки. Практикум. Продвинутый уровень. – М.: Русский язык, Курсы, 2009 с.

A ROLE AND PLACE OF VERBAL PREFIXATION IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN

Marina E. Linyova

ASPU basic college after K.H. Abovyan

There is the difficult, developed system of prefixation in Russian language. It touched in the all parts of speech, particular in the verbs. We think, that the semantization of prefixes, the correct choice of prefixal verb during writing or speaking is one of the main task in teaching and learning Russian. In this article we demonstrated one methodical conception of teaching this part of Russian Grammar.

Key words: *prefixal verbs, semantization of prefixes, stages and directions of work.*

ԲԱՅԵՐԻ ՆԱԽԱԾԱՆՑՄԱՆ ԴԵՐԸ ԵՎ ՏԵՂԸ ՌՈՒՍԵՐԵՆԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ԳՈՐԾՆԹԱՑՈՒՄ

Մ. Է. ԼԻՆՅՈՎԱ

Խ.Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ-ի հենակետային վարժարան

Ռուսերենում շատ բարդ և զարգացած է նախաձանցման համակարգը: Դա վերաբերվում է բոլոր խոսքի մասերին, մասնավորապես բայերին: Նախաձանցների իմաստի ըմբռնումը, նախաձանցավոր բայերի ճիշտ օգտագործումը գրավոր և բանավոր խոսքի մեջ մենք դասում ենք ռուսերենի դասավանդման առաջնային խնդրի շարքում: Հոդվածում ներկայացված է այդ համակարգի ուսուցման մի մեթոդական հայեցակարգ:

Բանալի բառեր: *նախաձանցավոր բայեր, նախաձանցների իմաստավորում, աշխատանքի փուլերն ու ուղղությունները:*

РАЗНОВИДНОСТИ ИГРОВЫХ ЗАДАНИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АРМЯНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Р. С. ТЕР-САРКИСОВА
ЕГУ

В данной статье обосновывается необходимость использования игровых методов обучения на уроках русского языка в армянской аудитории. Автор доказывает, что систематическое использование игровых форм работы способствует быстрому и эффективному усвоению норм русского языка армянскими студентами. Игровые методы позволяют формировать у них позитивный эмоциональный фон, что ведет к повышению уровня мотивации к изучению русского языка.

Ключевые слова: обучающая игра, обучение, русский язык как иностранный (РКИ), армянская аудитория.

В процессе работы в учебной аудитории немаловажная роль отводится игровым упражнениям и заданиям, которые помогают даже трудный для студентов материал представить в интересном виде, формируют умения и навыки речевого общения и оказывают влияние на механизмы таких познавательных процессов, как внимание, память, мышление, воображение.

Крупнейший исследователь феномена игры нидерландский философ Йохан Хейзинга, отмечая универсальное значение игры в человеческой цивилизации, подчеркивает, что «игра не может быть редуцирована к феноменам культуры, поскольку она древнее их и наблюдается еще у животных. Напротив, сама культура (речь, миф, культ, наука) имеет игровую природу» [5].

Также Хейзинга отмечает тот факт, что слово «игра» встречается у всех народов. Однако в японском языке – игра совпадает с вежливостью, в семитских языках – с издевательством, в германских языках нет обобщающего слова для игры, а в романских языках оно есть. Философ отмечает, что зачастую для обозначения игры у одного и того же народа используются разные слова. Наиболее ярким примером служат древнегреческий язык – *пайдиа* («ребячество»), *атюрма* («ерунда»), *агон* («состязание») и санскрит – *и кридати* («забавы детей и животных»), *дивьяти* («бросать жребий»), *танделн* («подражать, высмеивая») [5].

Следовательно, игровые методы обучения присущи самой человеческой природе.

В настоящее время существует четкое разграничение понятий «игра» и «обучающая игра». Так, в «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» игра характеризуется как «один из видов активности человека и животных в процессе их жизнедеятельности» [1, с. 74], а обучающая игра характеризуется как «особым образом организо-

ванное на занятиях по языку ситуативное упражнение, при выполнении которого создаются возможности для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к условиям реального речевого общения» [1, с. 166].

По мнению педагога А.В. Конышевой [3, с. 41-42], понятие игры по-новому осмысливается в практике обучения, как серьезная категория, требующая особого внимания, потому что:

- игра втягивает в активную познавательную деятельность каждого учащегося в отдельности, а также всех вместе и, тем самым, является эффективным средством управления учебным процессом;
- обучение в игре осуществляется посредством собственной деятельности учащихся, носящей характер особого вида практики, в процессе которой усваивается 90% информации;
- в игре команды или отдельные участники изначально равны (нет плохих или хороших учеников: есть только играющие); результат зависит от самого игрока, уровня его подготовленности, способностей, выдержки, умений, характера;
- удовольствие, полученное от игры, создает комфортное состояние на уроках иностранного языка и усиливает желание изучать предмет;
- игра занимает особое место в системе активного обучения: она синтетична, так как является одновременно и методом, и формой организации обучения, синтезируя в себе практически все методы активного обучения.

Исходя из вышеизложенного, игру можно определить как высший тип педагогической деятельности.

Собственный опыт работы со студентами в армянской аудитории не только подтверждает выводы теоретиков, но и позволяет отметить следующее:

- в игре форма и содержание меняются местами, то есть структура игры накладывается на схему учебной деятельности;
- учебный процесс превращается в процесс целевой коммуникации, а язык становится средством достижения поставленной цели;
- продуманная система игровых заданий и упражнений лексико-грамматических параметров языка содействует определенному психологическому настрою, тем самым способствуя доброжелательному контакту между студентом и преподавателем, что позволяет преодолеть «языковой барьер»;
- для достижения конкретных целей в процессе обучения следует готовить игровые задания и упражнения по определенной схеме, в ко-

торую входит название игры, подготовка к ней, реализуемый материал, описание обстановки, варианты игры, возможное расширение игровых заданий.

Используя разнообразие игровых заданий и интерес студентов к ним, преподаватель имеет возможность неограниченного выбора, позволяющего максимально индивидуализировать учебный процесс с учетом интеллектуального уровня и особенностей личности студентов. Как показала практика, на уроках русского языка в армянской аудитории наибольший эффект дают следующие игры:

1. Игры-дискуссии. Преподаватель создает проблему и привлекает к ее разрешению студентов, которые аргументируют свою точку зрения. Пример для студентов факультета информатики.

Преподаватель: У Саака испортился компьютер. Не загружается операционная система. Как вы посоветуете поступить Саака?

Далее, преподаватель даёт возможность высказаться каждому студенту в группе, ненавязчиво поправляя его речь во время обсуждения;

2. Игры-соревнования. Этот класс игр делится на две подгруппы: игры-соревнования в группах и индивидуальные игры-соревнования. Как правило, в таких играх за правильный ответ команде или отдельному студенту начисляются очки, а за неправильный ответ – очки вычитаются. Выигрывают студенты, набравшие наибольшее количество очков.

Ниже приводятся примеры некоторых игр.

“Эрудит-лото”. Групповая игра-соревнование. Цель игры – угадать слово по толкованию его лексического значения.

- Сосуд особого устройства, предохраняющий помещенный в него продукт от остывания или нагревания – это: а) термос, б) кувшин, в) чайник,
- Начальный момент спортивного состязания по преодолению какого-либо расстояния на скорость – это: а) финиш, б) фальш-старт, в) старт,
- Городская подземная электрическая железная дорога – это: а) трамвай, б) метро, в) троллейбус,
- Красная строка, отступ в начале строки – это: а) абзац, б) табуляция, в) строчка,
- Аппарат, который обеспечивает дыхание человека под водой – это: а) ласты, б) акваланг, в) дыхательная трубка,
- Дословная выдержка из какого-либо текста – это: а) афоризм, б) цитата, в) эпиграф.

“Редактор”. Индивидуальная игра-соревнование. Цель игры – найти в тексте иноязычные слова и подобрать эквиваленты на русском.

- Карина представляет брошюру членам жюри (варианты: книжку, приёмной комиссии),
- Это шоу очень интересное (вариант: представление),
- Главное в этом уравнении найти константу (вариант: постоянную величину).

“Четвертый лишний”. Индивидуальная игра-соревнование. Цель игры – расширение словарного запаса и умение распознавать родственные слова. Преподаватель предлагает исключить из набора слов лишнее, предварительно объяснив, почему это слово не подходит.

- Водитель, водить, завод.
- Коса, косичка, косить, косарь.
- Желток, железо, желтеть, желтый.
- Часовщик, часть, час, часовой.
- Нож, ножевой, ножной, ножны.
- Пес, песок, песочный, пески.

3. Ролевые игры представляют собой тематические микроэтюды на различные темы: “Знакомство”, “Начало учебы”, “В библиотеке” и т.д. Студенты творчески относятся к работе и сами создают интересные ситуации. В качестве примера рассмотрим микроэтюд на тему “Знакомство”.

“Знакомство”. Цель игры – вовлечение студентов в реальную коммуникацию, овладение набором речевых клише для официальных и неофициальных ситуаций, овладение фонетическим оформлением высказывания.

Диалог 1.

- Здравствуйте! Разрешите представиться. Меня зовут Карен. Могу ли я с вами познакомиться?

- Мне не хочется с вами знакомиться!
- Я чем-нибудь вас обидел?
- Не хочу и всё!
- Очень жаль. Вы мне очень понравились!

Диалог 2.

- Привет! Как тебя зовут?
- Аня. А тебя?
- Меня зовут Сергей. Я приехал из Еревана.
- А где это?
- В Армении. Приезжай к нам весной. У нас очень красиво.

Подобные диалоги развивают у студентов творческий потенциал и стимулируют обогащение словарного запаса, так как в диалоге можно придумать различные ситуации в рамках одной и той же темы.

4. Лексические игры. В русском языке существует целый ряд звуков и их сочетаний, в произношении которых студенты серьезно затрудняются. К тому же дело осложняется непривычным для них перемещением ударения в русских словах с одного слога на другой [3, с. 238]. Преодолеть эту проблему помогают лексические игры, которые активизируют словарный запас студентов и помогают им справиться с непривычной лексикой. Например:

“Портрет”. Цель игры – пополнение словарного запаса: описание внешности и эмоций изображенного на фотографии человека, подбор синонимов и антонимов.

“Тематический словарь”. Цель игры – пополнение словарного запаса, знакомство с частями речи в рамках одной темы. Приведено задание на тему «Одежда. Обувь. Головные уборы».

ПРЕДМЕТНЫЙ СЛОВАРЬ:

Одежда, майка, трусы, блузка, платье, юбка, сарафан, фартук, пижама, жилет, пиджак, халат, куртка, шорты, брюки, костюм, свитер, носки, гольфы, чулки, колготки, плащ, пальто, комбинезон, шуба, шарф, шапка, платок, берет, фуражка, ушанка, панама, каска, кепка, шляпа, косынка, козырёк. Помпон, поля, завязки, варежки, перчатки, воротник, капюшон, рукава, ремень, пояс, подол, манжет, карман, галстук, застежка, молния, пуговица, петля, крючок, кнопка, язычок, стелька, ремешок, ткань, нитки, катушка, иголки, ножницы, (швейная) машинка, ателье, швея, портной, шелк, драп, бархат, ситец, лен, шерсть, хлопок, мех, дырка, капюшон, обувь, тапочки, босоножки, сандалии, туфли, кроссовки, чешки, кеды, сапоги, ботинки, подошва, носок, каблук, застежка, пятка, шнурки, липучка, узел, ремонт, щётка, резина, кожа, железо, сапожник.

СЛОВАРЬ ГЛАГОЛОВ:

Надевать (что-либо), одевать (кого-либо), снимать, завязывать, расстегивать, вешать, шить, носить, пришивать, обуваться, шнуровать, снимать, стирать, сушить, чистить, гладить, штопать, вязать, снимать (мерку), жмет (обувь).

СЛОВАРЬ ПРИЗНАКОВ:

Взрослый, детская, осенняя, зимняя, летняя, женская, мужская, выходная, короткий, меховой, женская, нарядная, красивый, удобный, праздничная, легкая, плотная, повседневная, рабочая, спортивная, новая, старая, удобная, обувная, сапожная, домашняя, теплая, узкий, широкий, высокий, клетчатый, полосатый, шелковый, кожаный, железный, резиновый, пальтовая (ткань), обувной, голый, одетый, льняной.

СЛОВАРЬ НАРЕЧИЙ:

Аккуратно, небрежно, удобно, неудобно, комфортно, чисто, быстро, грязно, тесно, нарядно, красиво.

АНТОНИМЫ:

Большой – маленький, тёмный – светлый, чистый – грязный, теплый – холодный, зимняя – летняя, яркий – бледный, гладит – мнёт, верх – низ, женская – мужская, черная – белая, однотонная – пёстрая, шить – распарывать, надевать – снимать, детская – взрослая, пачкать – чистить, сломать – отремонтировать.

СИНОНИМЫ:

Легкая – тонкая; плотная – теплая, толстая, тяжелая; швея – портниха;

ПОДБОР РОДСТВЕННЫХ СЛОВ:

Носки, обувь, сапог, шляпа.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ:

Иголка, кожа, козырёк, язычок, носик, молния, шляпка.

5. Грамматические и фонетические игры-упражнения. Грамотное письмо, составленное на русском языке, сложный и трудный процесс для учащихся-армян.

“Цепочка”. Цель игры – закрепить произношение и определенные синтаксические конструкции, модели, падежные формы. Например, если закрепляется произношение фонемы «*Ы*», то преподаватель произносит фразу: «У меня есть рыба» и с вопросом «А у тебя?» обращается к первому студенту. Студент должен ответить на вопрос фразой, например: «У меня есть сыр» и с вопросом «А у тебя?» обращается к следующему студенту и т.д. Совершивший ошибку в произношении звука выбывает из игры или дополнительно составляет еще несколько предложений [4, с. 11].

“Молчанка”. Цель игры – усвоение грамматических правил русского языка. Условие игры – после того, как преподаватель объяснил записанное на доске задание и назвал порядок выхода к доске студентов, никто не имеет право говорить: ни преподаватель, ни студенты. Студенты последовательно выходят к доске, выполняют нужную грамматическую операцию, допустим, вписать пропущенную безударную гласную и рядом пишут проверочное слово. Если упражнение выполнено правильно, аудитория рук не поднимает. Если же допущена ошибка, то очки начисляются тому, кто сам вызвался выйти к доске и исправить упражнение. После этого к доске выходит следующий по очереди студент. Для игры лучше предложить упражнения на темы, которые не потребуют больших записей на доске, например: а) непроизносимые согласные; б) звонкие и глухие согласные; в) безударные гласные; записать по два существительных с основой на шипящую (багаж, рожь); г) записать глаголы 2-го и 3-го лица настоящего времени и т. д.

Итак, игровые задания и упражнения – благодатный и разнообразный материал, дающий возможность преподавателю использовать различную

тематику и приемы работы (фонетические и лексические игры, составление кроссвордов, комментарии к художественным произведениям и кинофильмам, грамматические игры и задания) для эффективного преподавания русского языка в армянской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Икар, 2009.- 448 с.
2. Есаджанян Б.М., Баласанян Л.Г., Шахгамян Г.Г., Баян Э.А. Методика преподавания русского языка как неродного. Ереван, 2008.- 496 с.
3. Коньшова А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. СПб.: Каро, 2006.- 192 с.
4. Милованова И.С. Фонетические игры и упражнения. Русский язык как иностранный. М.: Флинта: Наука, 2000.- 160 с.
5. Хёйзинга Й. *Homo Ludens* / Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997.- 416 с.

VARIETIES OF GAMES AT THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE FOR THE ARMENIAN AUDIENCE

H.S. Ter-Sargisova

Yerevan State University

In this article, the author, delineating the concepts of “game” and “learning game”, justifies the need to use gaming teaching methods in Russian language lessons in the Armenian audience. The author proves that the systematic use of game forms of work contributes to the rapid and effective assimilation of the norms of the Russian language by Armenian students. Game methods allow them to form a positive emotional background, which leads to an increase in the level of motivation to learn the Russian language.

Key words: *educational game, teaching, Russian as a foreign language (RFL), the Armenian audience.*

ԽԱՂԱՅԻՆ ՀԱՆՁՆԱԴԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՏԱՐԱՏԵՍԱԿՆԵՐԸ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԼՍԱՐԱՆԻ ՀԱՄԱՐ ՌՈՒՍԱՑ ԼԵԶՎԻ ԴԱՄԵՐԻ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ

Հ.Ս.Տեր-Սարգիսովա

Երևանի պետական համալսարան

Այս հոդվածում, տարբերակելով «խաղը» և «ուսուցանող խաղը» հասկանությունները, հեղինակը հիմնավորում է ռուսաց լեզվի դասերի ընթացքում խաղային մեթոդների ուսուցման օգտագործման անհրաժեշտությունը հայկական լսարանի համար: Հեղինակը ապացուցում է, որ խաղային ձևերի սիստեմատիկ օգտագործումը աշխատանքի ընթացքում, նպաստում է ռուսաց լեզվի կանոնների արագ և արդյունավետ յուրացմանը հայ ուսանողների կողմից: Խաղային մեթոդները թույլ են տալիս նրանց մոտ կազմավորել դրական էմոցիոնալ դաշտը, ինչը բերում է ռուսաց լեզու սովորելու խթանման մակարդակի բարձրացմանը:

Բանալի բառեր՝ *ուսուցանող խաղ, ուսուցում, ռուսաց լեզու իբրև օտար, հայալեզու լսարան:*

ЛИНГВИСТИКА

РЕАКЦИЯ НА РЕЧЕВОЙ АКТ ПРОСЬБЫ

В.А. АДАМЯН
ЕГУ

Статья посвящена важной составляющей речевого акта просьбы – реакции адресанта. Положительная реакция на просьбу сопровождается благодарностью со стороны говорящего, отрицательная же (речевой акт отказа), как правило, влечет за собой речевой акт уговора. Отказ, также как и сама просьба, может быть оформлен прямо или косвенно, вежливо и невежливо.

Ключевые слова: *речевой акт просьбы, реакция на просьбу, положительная реакция, отрицательная реакция, прямой отказ, косвенный отказ.*

Характерной особенностью речевых актов, в том числе и речевого акта просьбы, является их адресованность, обращенность к кому-либо. **Реакция** адресата, обуславливающая дальнейшее речевое и неречевое сотрудничество участников коммуникации, является неотъемлемой составляющей и в речевом акте просьбы. По мнению исследователей, она образует «цементирующий момент» общения, и ее отсутствие приводит к сбою в коммуникации: «не получая ответ на заданный вопрос, человек чувствует себя задетым и обычно либо добивается ответа, либо прекращает разговор», – пишут авторы книги «Русский язык и культура речи» [10, 20]. Показательно в этом контексте высказывание А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского: «Любой поведенческий акт, в том числе речевой, интерпретируется лишь с точки зрения вызываемой им реакции» [15, 149]. Интересно и замечание Г.Г. Почепцова по этому поводу: «Реальность речевой деятельности такова, что, пожалуй, большинство устных речедеятельностных процессов протекает в условиях присутствия С (слушающий – В. А.), а если С и отсутствует, то речь обычно строится таким образом, что С потенциально допустим при ее реализации» [9, 27]. В силу своих особенностей просьба произносится с надеждой на то, что слушающий выполнит ее, что реакция на просьбу будет положительной. В зависимости от социопрагматических факторов (находятся ли участники в равноправных отношениях или между ними отношения субординации) выполнение просьбы может быть для слушающего облигаторным или факультативным [см. 11, 65]. В случае с просьбой мы имеем дело с факультативностью выполнения указанного действия слушающим. И.Д. Чаплыги-

на выделяет три типа адресатов: реальный (безусловная адресованность $\Rightarrow$ абсолютная и совместная адресатность), потенциальный (внутренняя и условная адресованность $\Rightarrow$ мнимая совместность, отстраненно-адресатная и обобщенно-адресатная ситуации), виртуальный (виртуальная адресованность $\Rightarrow$ риторическая адресатность) [см. 14, 18]. В случае с просьбой возможны все три типа адресата, однако учитывая характеристику жанра просьбы, можно с уверенностью сказать, что чаще всего мы имеем дело с реальным адресатом.

Реакция на просьбу, также как и сама просьба, может быть **положительной или отрицательной** (речевой акт отказа). Отказ, в свою очередь, может быть **прямым или косвенным, вежливым или невежливым**. По способу выражения реакция может быть **вербальной и невербальной** (мимика, жесты). Выполнение же просьбы может носить сиюминутный характер, либо требовать некоторого времени: *«Душно... Соня, дай мне со стола капли!! Сейчас (Подает капли)»* (Чехов, «Дядя Ваня»). В этом примере реакция на просьбу положительная, при этом просьба выполняется немедленно.

Или же: *«—Тань, я ноутбук твой **возьму?**—Да, конечно»* (и идет за ноутбуком); *«**Маришка, у тебя есть красная ручка?**»* (адресат дает, не дожидаясь прямой просьбы). Заметим, что в подобных случаях вербальная реакция вовсе не обязательна: слушающий, правильно поняв цель высказывания, может осуществить каузируемое действие, что и будет положительной реакцией на просьбу. Такого типа просьбы призваны вызвать реакцию в виде каузируемого действия.

Приведем пример, когда для выполнения просьбы требуется некоторое время: *«—Ой, **Лешка, а ты можешь** мне биксы со шкафа **достать, а?**—Да, конечно, я сейчас, вот пробирки отнесу и приду./—Ага»* (т/с «Интерны»).

Невербальная реакция на просьбу предполагает определенное действие. Рассмотрим следующий пример невербальной реакции: *«**Можно огонька попросить?** — еле шевельнул он губами. Я с готовностью щелкнул зажигалкой, наперегонки со мной и Батыр поднес к его сигарете горящий фитилек своей»* (Кантор, «Кельн-Москва»).

Нередки случаи, когда совмещаются вербальное и невербальное согласие (выполнение просьбы). *«—Галь, у тебя случайно не найдется большая кастрюля для приготовления плова?— Найдется, сейчас принесу»* (и сразу же идет за кастрюлей).

Положительная реакция адресата, как правило, сопровождается речевым актом благодарности. Однако здесь наблюдаются лингвокультурные различия. Так, А.В. Сергеева пишет: «Очевидцы отмечают, что русские не благо-

дарят так часто, как европейцы, но если вы благодарите их за что-то, то они принимают эту благодарность очень серьезно. Вероятно, это можно объяснить тем, что помощь друг другу россияне считают совершенно естественной, не требующей формальной улыбки и благодарности. А вот если в помощи будет кому-то отказано, то такое поведение будет расценено русскими как проявление грубости, «некультурности», сколь любезно человек бы при этом ни улыбался» [12, 89].

Обратимся к **отрицательной реакции на просьбу**, которая, как и сама просьба, может быть выражена прямо или косвенно. Отказ представляет собой потенциально «опасный» речевой акт, ведь он «может нарушить благоприятную психологическую обстановку, оказать негативный эффект на отношения между коммуникантами» [5, 91]. Поэтому адресат зачастую старается избегать прямого выражения отказа, прибегая к имплицитному выражению. «Речевое употребление в угоду вежливости, – отмечает в этой связи Н.И. Формановская, – заставляет нас избегать прямого отказа (Я отказываюсь), а выражать его завуалированно: Я не могу, к сожалению...; Я бы с удовольствием, но...; обязательно аргументировать отказ...» [13, 92].

Действительно, если уж говорить о вежливости, то она обязательна и при отказе на просьбу. Невежливо и неделикатно на вежливо построенный вопрос – просьбу, типа *Вы можете сказать мне, который час?* или *Вы можете передать мне соль?* ответить “Нет”, пусть даже с самой мягкой и щадящей интонацией. «Отказ выполнить просьбу в любом случае должен сопровождаться некоторым дополнительным текстом, в котором содержится извинение или сожаление с соответствующим обоснованием отрицательной реакции, например: *У меня, к сожалению, нет часов, Мне очень жаль, но я сам не могу дотянуться...*», – пишет Р. Конрад [6, 370-371]. «Отказ, – отмечается по этому поводу в статье Е.А. Ивановой, – сложный речевой акт, поскольку может быть неприятен для собеседника. Говорящий, при установке на дальнейшую кооперацию, старается сгладить, приглушить отрицательный ответ» [5, 91].

Как уже отмечалось, отказ на просьбу может быть выражен как в **вежливой**, так и в **невежливой форме**. Подчеркнем, что по правилам этикета отказ должен сопровождаться извинениями, и адресат должен непременно аргументировать невозможность выполнения просьбы:

«–Лех, привет, **помоги** мне аппарат УЗИ до палаты **докатить**/–Люб, **я не могу, мне к пациенту надо**» (т/с «Интерны»). В этом примере отказ на просьбу выражен эксплицитно, но, тем не менее, говорящий объясняет свой отказ, правда без показателей вежливости, поскольку среди собеседников фамильярные отношения.

Как уже отмечалось, имплицитно может быть выражена не только просьба, но и реакция на нее. Эксплицитный отказ на просьбу – явление крайне редкое, как правило, он завуалирован. Приведем пример имплицитного отказа: «–Мне, –говорит, – снимки надо, кучу снимков. Вы фотографии, настоящие профессионалы. Помогите./ <...>/ –Миленькая, **мы не благотворительная организация**» (Щекина, «Инверсия»); «Дай мне денег, – легким голосом попросила Надька./ – **Ты еще не вернула прежний долг**, — напомнил Андрей» (Токарева, «Птица счастья»); «Можно, я у вас переночую? <...> Мне негде спать <...> **Моя невеста не поймет**». Высказывания «**мы не благотворительная организация**», «**ты еще не вернула прежний долг**», «**моя невеста не поймет**» являются завуалированным отказом на просьбу.

Исследователи выделяют следующие тактики при имплицитном отказе: тактику смены темы беседы, уклончивый ответ, переадресацию и др. [см. 5, 92]. Рассмотрим пример уклончивого ответа: «–**Не дашь адрес?** –/–Ну посмотрим, посмотрим, — уклоняясь, ответил он. И не дал» (Маканин, «Простая истина»). Как видим, предполагаемое действие, скорее всего, не будет выполнено, значит, вербальная реакция адресата (*посмотрим, посмотрим*), эксплицированная с помощью лексемы «уклоняясь», была лишь завуалированным способом уклониться от выполнения просьбы. Высказывания с лексемой “постараюсь” (наряду с “попытаюсь”) А. Зализняк и И. Левонтина называют «ослабленным обещанием» [см. 4, 314]. При этом, как они подчеркивают, наблюдается различие в семантическом плане: «...говоря “постараюсь”, человек обещает больше, а гарантирует меньше, а говоря “попытаюсь”, человек обещает строго в пределах поставленной задачи, но при этом гарантирует, что он по крайней мере приступит к ее выполнению» [там же: 315]. В итоге авторы приходят к выводу, что «характерная черта русского *постараюсь* – широкий диапазон охватываемых смыслов: это может быть формула пустого обещания, но может быть (для скромного человека) и выражение готовности сделать все, что в его силах» [там же]. В то же время следует подчеркнуть, что утверждение, что такие ответы являются однозначным имплицитным отказом, неправомерно, поскольку здесь, на наш взгляд, наблюдается неоднозначность намерения, и граница между отказом и согласием размыта.

Отрицательная реакция на просьбу может сопровождаться **уговорами**: «**Сыграй мне что-нибудь!**/ Не могу, принц/ **Сделай одолжение!**/ Право, не могу, принц!/ **Ради бога, сыграй!**/ Да я совсем не умею играть на флейте» (Чехов, «Лебединая песня»). Как видим, после отрицательной реакции сле-

дует усиление просьбы – *«Сделай одолжение», «Ради бога, сыграй»*. Попутно заметим, что в приведенном дискурсе мы имеем дело со своеобразной градацией просьбы: в самом начале просьба выражена лишь глаголом в форме императива, далее говорящий прибегает к устойчивому сочтанию «сделай одолжение», употребляющемуся в значении усиленной, вежливой просьбы. После второй неуспешной попытки, говорящий предпринимает третью, заключительную попытку, уже прибегая к возгласу “ради бога”, характерному для разговорной речи и выражающему усиленную просьбу (по значению соответствует словосочетанию “очень прошу”). Заметим, что определенная градация наблюдается и при реакции на просьбу: вначале отказ выражается в вежливой и тактичной форме, адресат не категорически отказывается, а говорит, что он не в состоянии выполнить желаемое собеседником действие; более того, он ласково называет его принцем – *«Не могу, принц»* и далее заверяет собеседника в правдоподобности сказанного – *«Право, не могу, принц!»* и в конце уже посредством препозитивной частицы «да» придает высказыванию оттенок категоричности: *«Да я совсем не умею играть на флейте»*.

В этих примерах мы имеем дело с такой разновидностью просьбы, как уговоры. Говорящий всеми возможными способами (выдвигая доводы) пытается склонить адресата к осуществлению желаемого действия. Кстати, заметим, что в приведенном выше примере после имплицитного отказа также следует речевой акт уговора: *«– Мне, – говорит, – снимки надо, кучу снимков. Вы фотографы, настоящие профессионалы. Помогите./ <...>/ – Миленькая, мы не благотворительная организация. /– Ребята, да вы что, не понимаете? Это международный вопрос. Если нам удастся подружить народы...»* (Щекина, «Инверсия»). Как видим, говорящий представляет просьбу с выгодной стороны, пытаясь заинтересовать собеседников.

Рассмотрим случаи отказа выполнить просьбу **в невежливой форме**:

«– Стало быть, если долго ждать, то я бы вас попросил: нельзя ли здесь где-нибудь покурить? У меня трубка и табак с собой. /– Покурить? – с презрительным недоумением вскинул на него глаза камердинер, как бы все еще не веря ушам, – покурить? Нет, здесь вам нельзя покурить, а к тому же вам стыдно и в мыслях это содержать. Хе... чудно – с!» (Достоевский, «Идиот»). Просьба в данном примере выражена в очень вежливой форме. Говорящий просит разрешения покурить; он говорит в соответствии с русской манерой гиперболизации. Просьба выражается не сразу, при этом говорящий выбирает для этого самое «ненавязчивое» из всех наклонений – сослагательное. «Ненавязчивой» является и сама просьба с помощью конструкции, присущей косвенным просьбам (*«нельзя ли?»*). И после такой тща-

тельно обдуманной просьбы следует отрицательная реакция на нее, при этом в невежливой форме. Вместо того чтобы вежливо отказать собеседнику, аргументируя свою позицию, адресат делает это, бросая на него взгляд, полный «презрительного недоумения». Или же: «— Прекрасная модель, а можно ее снять с манекена?/—Нет, нельзя, вы не поместитесь в ней» (т/с «Ясмин»). В данном случае мы имеем дело с просьбой, реализуемой в широком контексте. Объектом просьбы является шуба, а невежливый отказ обусловлен личной неприязнью адресата к собеседнику.

Каковы же реакции на просьбу в **письменном дискурсе**. В этой связи А.А. Акишина и Н.И. Формановская пишут: «На просьбу в письме принято обязательно отвечать. Если при этом дается согласие, то оно сопровождается фразами, выражающими готовность сделать что-либо. Если же дается отказ, то вводятся извинительные фразы, ссылки на объективные обстоятельства, из-за которых просьба не может быть выполнена» [1, 121]. Рассмотрим реакции на просьбу в официальных письмах.

Ответ-согласие на письмо-просьбу перенести выступление, по А.А. Акишиной и Н.И. Формановской, должен выглядеть следующим образом:

«Уважаемый тов. Леонидов!

В ответ на Вашу просьбу сообщаем, что Ваш доклад перенесен на 26 марта на 11 ч. 30 м. Ждем Вас на конференции. С уважением Р. Владимиров».

Ответ-отказ же выглядит так:

«Уважаемый тов. Леонидов!

*В ответ на Вашу просьбу перенести Ваш доклад с первого дня конференции на один из последующих дней с **большим сожалением сообщаем, что у нас нет возможности** изменить порядок следования докладов. **Убедительно просим** Вас приложить все силы к тому, чтобы приехать именно к открытию конференции.*

С глубоким уважением Р. Владимиров» [см.там же: 176].

Ответ-согласие, как видим, предполагает определенное действие, в данном случае обещание осуществления определенного, желаемого адресантом действия. В случае же ответа-отказа, как видим, обязательным компонентом является мотивирование невыполнения просьбы, в данном случае: «...с **большим сожалением сообщаем, что у нас нет возможности изменить порядок следования докладов**». Обратим внимание, что в ответном письме адресат сам прибегает к просьбе: «**Убедительно просим Вас...**». Однако, заметим, что последнее высказывание имеет лишь форму просьбы и не обладает ее важнейшей характеристикой — осуществления казулируемого

действия в интересах не адресата, как предполагается в случае просьбы, а адресанта.

Интерес представляет следующая реакция на просьбу

«...я от всего сердца признателен Вам за почетное приглашение сотрудничать в Гердеровской энциклопедии для Японии и именно таким образом, который особенно близок моему сердцу. Задача представить духовно-душевное своеобразие русской религиозности и культуры соответствовала бы моему внутреннему желанию <...>и если все же должен отказаться, то происходит это не без моего глубокого сожаления. Увы, моих сил недостаточно, чтобы наряду с многими моими на мне лежащими рабочими обязательствами справиться еще и с этим новым» (ответ Вяч. Иванова на письмо Якоба Гоммеса по поводу энциклопедической статьи о русской духовности для японских католиков) [2, 467]. Как видим, в данном случае мы имеем дело с отрицательной реакцией на просьбу в вежливой форме, т.е. с косвенным отказом: говорящий выражает сожаление в случае неудовлетворения просьбы. Автор письма прибегает к уклончивому ответу: *«...и если все же должен отказаться...»*. Это не что иное, как мягкая форма отказа.

В отдельных случаях наблюдается **неадекватная реакция на просьбу**. Так, Е.В. Падучева пишет: «Часто человек, действуя по некоторому стандартному “сценарию”, считает, что вычислил неречевое намерение собеседника, и реагирует в соответствии с этим вычислением, хотя на самом деле это вычисление может быть и неправильно» [7, 309]. В частности, она обращает внимание на возможную неадекватную реакцию в ответ на вопрос *«Где здесь мебельный магазин?./ Мебельный магазин закрыт»*, имеющую место в ситуации, когда мебельный магазин нужен был спрашивающему только как ориентир.

Следует также упомянуть случаи, когда высказывание, не являющееся просьбой (имеющее при этом форму просьбы), воспринимается неадекватно, а именно как просьба. Е.В. Падучева представляет такую ситуацию: Ребенок звонит на работу матери: *«–Позовите, пожалуйста, Анну Ивановну!/-Она вышла, позвоните попозже./–Ладно!»*: «Ребенок ответил на высказывание *Позвоните попозже!* как на просьбу, в то время как ситуация требовала понять его как совет и ответить не *Ладно!*, а *Спасибо!*», – справедливо отмечает Е. В. Падучева [8, 28]. Это наглядный пример того, что иллокутивная функция высказывания определяется ситуацией, которая не всегда воспринимается адекватно. О неоднозначности таких высказываний, различном их восприятии говорят Д. Гордон и Дж. Лакофф. В част-

ности, они указывают на вопрос «Знаешь ли ты, кто живет в соседней комнате?», который равным образом может быть осмыслен различными способами, и, следовательно, иметь различные реакции на него. Вопрос может быть воспринят в буквальном смысле. С другой стороны, он может иметь либо значение «если ты не знаешь, кто живет в соседней комнате, я скажу тебе», либо же он может быть истолкован как просьба «я прошу тебя сказать, кто живет в соседней комнате» [3, 294]. Тем не менее, учитывая конвенциональный характер речевых актов, в том числе и речевого акта просьбы, стоит отметить, что такие случаи не очень распространены.

Таким образом, реакция на просьбу может быть как положительной, так и отрицательной. При положительной реакции на просьбу каузатор благодарит адресата, отрицательной же, прибегает к речевому акту уговора. Отказ может быть прямым или косвенным, вежливым или невежливым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. – М.: Русский язык, 1981. – 200 с.
2. Вахтель М. Неизвестное немецкое письмо Вяч. Иванова: штрихи к портрету русского мыслителя в Европе // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. – СПб.: Пушкинский дом, 2010. – С. 462-468.
3. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276–302.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Язык. Семиотика. Культура]: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 307-335.
5. Иванова Е.А. Специфика выражения отказа в английской и русской коммуникативных культурах // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты: мат. междунар. научной конференции. – СПб: Изд.-во Политехн. ун-та, 2015. – 217 с.
6. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 349–383.
7. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связанности диалога // Известия АН СССР, СЛЯ, т. 41, вып. 4, 1982. – С. 305-311.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
9. Почепцов Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение. Единицы и регулятивы, межвузовский сборник научных трудов. Калинин: КГУ, 1987. – С. 26-39.
10. Русский язык и культура речи: учебник (под ред. В.И. Максимова, А.В. Голубевой). – СПб: Златоуст, 2010. – 384 с.
11. Савельева Е. П. Лексико-семантические группы – номинации побудительных речевых интенций // Русский язык за рубежом, N 3, 1991. – С. 63-69.

12. *Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 320 с.
13. *Формановская Н.И.* Культура общения и речевого этикет. – М.: изд.-во ИКАР, 2005. – 250 с.
14. *Чаплыгина И.Д.* Семантика и структура Ты-категории как показателя антропоцентрической природы языка// Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2003. N1, – С. 16-25.
15. *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику: для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1978. – 214 с.

THE REACTION TO THE SPEECH ACT OF REQUEST

V. ADAMYAN

YSU

The paper is devoted to the important component of the Speech Act of Request – the reaction to the Request, that can be either positive or negative. According to the author's observations the positive response to the request is accompanied by gratitude from the addressee, while the negative (the Speech Act of Refusal), as a rule, entails a verbal act of conspiracy. The Refusal, as well as the request itself, can be executed directly or indirectly, politely and impolitely.

Key words: *The Speech Act of Request, the reaction to the request, positive reaction, negative reaction, direct refusal, indirect refusal.*

ԽՆԴՐԱՆՔԻ ԽՈՍՔԱՅԻՆ ԱԿՏԻՆ ԱՐՁԱԳԱՆՔԸ

Վ.ԱԴԱՄՅԱՆ

ԵՊՀ

Հոդվածում դիտարկվում է խնդրանքի խոսքային ակտի կարևորագույն բաղադրիչներից՝ խնդրանքին արձագանքը, որը կարող է լինել թե՛ դրական, թե՛ բացասական: Հեղինակը գալիս է այն եզրահանգման, որ խնդրանքին դրական արձագանքը, որպես կանոն, ուղեկցվում է խոսողի երախտագիտությամբ, բացասականը՝ (մերժում) սովորաբար հանգեցնում է հորդորի խոսքային ակտին: Մերժումը, ինչպես և խնդրանքը, կարող է ձևակերպվել ուղղակիորեն կամ անուղղակիորեն, քաղաքավարի կամ անքաղաքավարի:

Բանալի բառեր՝ *խնդրանքի խոսքային ակտ, խնդրանքին արձագանք, դրական արձագանք, բացասական արձագանք, ուղղակի մերժում, անուղղակի մերժում:*

СЛОВАРЬ – УНИВЕРСАЛ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ

Исследование выполнено в Российско-армянском (Славянском) университете (г. Ереван, Республика Армения) за счет средств, выделенных в рамках субсидии МОН РФ на финансирование научно-исследовательской деятельности РАУ

В.В. МАДОЯН
РАУ

В статье предлагается идея создания универсального словаря, который включает всю информацию о слове и его обозначаемом, поскольку новейшие работы подобного типа должны быть такими справочниками, после которых обращение к иным словарям было бы излишним.

Ключевые слова: *словарь, универсальный словарь, принцип составления словарей, облик слова.*

XXI век ставит перед лингвистами, как и перед всеми учеными, свои задачи, направленные на совершенствование теории и практики науки о языке. В этом плане особую актуальность приобретают принципы составления словарей в связи с новыми техническими возможностями. И речь не только о принципах толкования или перевода. Речь о создании *универсальных* словарей, которые освобождают от поисков нужных сведений по словарям и справочникам разных типов. Иначе говоря, универсальный словарь – это справочник, включающий все необходимые сведения о толкуемом слове или обозначаемом им предмете (в терминологических словарях). Как видно из постановки проблемы, лингвистические словари, в частности, должны включать этимологические, фонетические, грамматические, лексические, стилистические сведения, правописание лексемы, терминологические словари – все сведения об обозначаемом термине.

Необходимость в таких словарях обусловлена несколькими причинами. Во-первых, это создает большие удобства, экономит время пользователя. Во-вторых, позволяет представить толкование на высоком профессиональном уровне. Но главное – такой словарь дает целостное представление о толкуемом, что для специалиста является крайне важным.

Возможность создания таких словарей появилась в связи с современными научными и техническими достижениями, когда познания о мире получили достаточно твердую научную основу (знания и углубились, и расширились), сконструированы мощные компьютеры, хранение и извлечение информации больших объемов стало легко доступно широким слоям населения, в частности, интеллигенции.

В связи с задачами нашей работы остановимся на универсальном лингвистическом словаре.

Этимология слова может быть представлена в двух аспектах: в собственно этимологическом и морфемно-словообразовательном. Первый аспект относится к заимствованной и калькированной лексике, прежде всего к заимствованной, ибо таким образом устанавливается его происхождение. Поскольку этимология нужна главным образом специалистам, простое указание на заимствование не достаточно. Например, если указывается БАЗИЛИКА [лат. *basilica*], дается сведение о том, из какого языка это слово перешло в русский. Это – этимология, но она не полная. Для установления этимологических соответствий нужно знание и формы, и значения, поскольку в ином случае могут быть сотни случайных совпадений в звучании. Так, *хам* по-армянски “неопытный”, а армянское *хоз* (“свинья”) совсем не связано с хозяйством. Для того чтобы связать русское *око* с армянским *aškh*, нужно знать, какое значение они имели в древности.

В связи с этим при представлении этимологии следует указывать значение, в котором это слово выступало в родном языке в период, когда произошло заимствование или в котором оно было заимствовано. Возвращаясь к слову *базилика*, мы узнаем, что это античный храм (постройка) определенной формы. На этом можно было бы поставить точку, если бы этимология этого слова не уводила к греческому языку. Здесь оно имеет значение “царский, царственный”, поскольку в Древней Греции в удлиненной прямоугольной форме с двумя продольными рядами колонн внутри строились царские дворцы. То, что заимствованное из определенного языка слово может быть заимствовано последним из другого языка, для лингвистов не является загадочным. Итак,

БАЗИЛИК//А [лат. *basilica* “храмовая постройка” <греч. *basilikos* “царский, царственный”].

Если слово не заимствованное и принадлежит словарному составу данного языка, следует показать его морфемное строение и словообразовательный формант в соответствии с принципами деления слов на морфемы и выделения словообразовательного аффикса в данном языке. Так, [БЕРЕЖ]-ЕН|ЫЙ, [БЕРЕЗ|ОВ|ИК, [БЕСЕ|Д|ОВ|А|ТЬ. Как видим, корень слова взят в квадратные скобки ([ ]), а остальные морфемы отделены друг от друга знаком “|”. Словообразовательная морфема представлена косыми буквами. Остальное (кроме окончания) – мотивирующая основа. Хотя никаких теоретических комментариев нет, читателю, особенно специалисту, легко и просто представить и морфемный состав, и словообразовательные основу и суффикс.

Универсальные словари необходимы прежде всего специалистам, но морфемный и словообразовательный анализы необходимы также учащимся школ и вузов, а образцы дают полное представление о рассматриваемых аспектах слова. Все остальное – теория, которой в словаре быть не может.

В связи с морфемным членением возникает вопрос о порядке представления заимствованных слов, значение словообразовательных морфем которых в заимствующем языке явно ощущается, например, о морфемном описании русских слов на *-ист*, *-изм*, лексем *автобус*, *арифмометр*, *арифметика*, *арьергард* и др., которые пока решаются по желанию авторов.

Морфемный анализ целесообразно представить по принципам “Словаря морфем русского языка” [5]. Правда, он включает только собственно русскую лексику, однако она описана достаточно принципиально, особенно в вопросе диахронии: “При морфемном анализе ориентация на семантику минимальная, изменение значений слов обычно не влечет за собой изменения в членении... Изменение в значении иногда бывает весьма существенным, если при этом в силу каких-то причин изменилась орфография такого слова, то расхождения в значении закрепляются орфографией... и тогда, естественно, изменение значения (при одновременном изменении орфографии) выступает причиной изменения структуры слова” [5, с.7].

Поскольку словообразование может сопровождаться различными модификациями семантики мотивирующей основы, производные единицы, не отклоняющиеся от гиперонима мотивирующего значения, в универсальном словаре целесообразнее представлять в статье производящего слова, как это сделано в [3], поскольку в таком случае словообразовательная связь воспринимается читателем более конкретно.

Морфемный и словообразовательный облик слова может быть зафиксирован в заглавии - с целью экономии места.

Описание фонетики слова особо необходимо в переводных словарях, тем более если между написанием и произношением существуют расхождения, причем – принципиального характера. Для носителя английского или русского языков произношение слов родного языка не является проблемой, в то время как особенно обучающемуся русскому языку нужно знать достаточное количество фонетических законов и преобразований, чтобы правильно сориентироваться в произношении.

Представление фонетического облика слова тоже имеет свои варианты. Если словарь написан исключительно для узкого круга специалистов, в нем следует использовать общепринятую научную транскрипцию. Однако, как известно, русская научная транскрипция слишком сложна и в частности – в

фиксации звуков [и], [у] в безударном положении еще недостаточно определённа, существует осязаемый разнобой в транскрибировании, с одной стороны, московской, а с другой – ленинградской фонологических школ. Кроме того, например, указание точкой над гласными продвиги в сторону мягкой согласной фонемы можно считать лишним, поскольку мягкая фонема имеет свой однозначный показатель. Ср.: *мять* - [м'ят'] и [м'ат']. В принципе для филолога-русиста указание продвиги является лишь дополнительной информацией, поскольку он – по роду деятельности – должен быть в курсе фонетических законов русской речи. В то же время нельзя абсолютно отрицать полное фонетическое описание слова в универсальном словаре, поскольку он предназначен также для учителей русского языка, студентов русских филологических факультетов, в том числе иностранцев.

Не менее целесообразно использование упрощенной транскрипции, которая не включает элементы, повторяющие другие знаки, в частности указание продвиги гласных в сторону мягких согласных и т.п. Студенты и учащиеся, изучающие русский язык, как и самые широкие слои читателей могут без особого труда пользоваться упрощенной транскрипцией, основанной на русском алфавите, при первом же прочтении воспринять русское произношение слова. Кроме того, в научной транскрипции используются знаки, которых в русском алфавите нет, например, ä, æ, ô, долгие согласные и т.д., которые не понятны неподготовленному читателю.

Так, с учетом вышесказанного слово в универсальном словаре может иметь такой вид:

БЕРЛОГ//А [б'ирло'гъ],[нем. Bärenhöhle],

[БЕСЕ'Д]ОВ|А|ТЬ [б'ис'е'дъвѣт'],

[ВОД]О|ПРО[ВОД]ЧИК [вѣдъпр'Аво'г'чѣк].

Указание морфологических характеристик должно быть полным, т.е. для существительного должен быть указан не только род, но и вся словоизменительная парадигма (с указанием числовых и падежных изменений), естественно, в определенном образом систематизированном виде. Поскольку морфологические характеристики слова, за некоторым исключением, тесно связаны с его словоизменением, казалось бы морфологическое толкование можно построить по принципу А.А. Зализняка [1], однако перед А.А. Зализняком стояли иные задачи, поэтому принципы подачи материала следует откорректировать, хотя и опираясь на его данные: каждому слову нужно приписать точную парадигму.

Содержание словаря определяет его структуру и суть. Если это толковый словарь русского языка, то морфологическое описание значительно проще.

Нерусским трудно прежде всего сориентироваться в системе рода именного класса русских частей речи. Вопрос осложняется еще и тем, что у значительного количества существительных формальный признак оказывается нарушенным, например, слова на *-а* могут быть также мужского или среднего рода (само слово *мужчина* или *знамя* и др.), слова на *-ь* то женского, то мужского рода. Особенно сложно восприятие рода носителями древних языков, таких, как армянский и персидский, в которых родовые оппозиции исчезли еще задолго до формирования славянских народов – в IV-V вв. н.э. – в связи с утратой склонения прилагательных.

В отличие от всех индоевропейских языков, в русском развилась категория одушевленности – неодушевленности, тогда как в других языках она остановилась на уровне лица – не-лица. Семантика существительного для слов определенных категорий оказывается связанной со словоизменением, например, вещественные и отвлеченные субстантивы не имеют категории числа (употребляются только в единственном числе).

Если даже количество падежей в разных языках совпадает, их значения не совпадают никогда, поэтому принципиально не допустим даже перевод их названий (например, *именительный* – *նվաճիկ* в армянск. и т.д.).

Если в индоевропейских языках Европы окончания синкретические, в индоевропейских языках Азии они, как правило, аналитичные.

В силу этого в переводном словаре нужно дать конкретные парадигмы, окончания в которых полностью совпадают с окончаниями того слова, которое указано как изменяющееся по данной парадигме. При таком условии, естественно, количество парадигм резко возрастает. Так, если за фактор, различающий парадигмы имен существительных, принять состав окончаний (в том числе твердость-мягкость), который обусловлен родом, категорией одушевленности-неодушевленности, местом ударения, изменениями основ, наличием-отсутствием в формах беглых гласных, то парадигм окажется более двухсот. Собственно говоря, и это количество оказывается недостаточным, если указанное условие выполнить полностью, однако за пределами такой системы остаются нечастотные, а иногда и единичные парадигмы, которые можно привести прямо в словарной статье. Например, нет смысла отдельно представлять склонение слова *господь*, поскольку его парадигма специфична.

В переводном словаре с русского следует отклониться от теории и представить *-ь* не как показатель мягкости предшествующего согласного перед окончанием, а как составную часть окончания. Это чисто графическое отступление, связанное с упрощением сравнения правописания искомого слова с правописанием в парадигме. Так, если в парадигме слова *статья* окончания представить следующим образом: *стат-ья, стат-ьи, стат-ье, стат-ью, стат-ьёй, стат-ье... стат- ей* и т.д., а в заглавии словарной статьи *ладья* в качестве окончания указать *-ья*, установить парадигму последнего слова окажется более чем просто: к основе *лад-* последовательно приписываются окончания слова *статья*. Этим обеспечивается не только правильное словоизменение, но также произношение и правописание отдельных форм, поскольку операция слишком простая и не требует особой подготовки.

В переводном словаре отдельно следует представлять и парадигмы существительных на *-й* (*зной, аналой* и др.), и pl. tantum, и вариативные формы, причем ясность изложения должна быть предельной.

Особо не следует выделять только такие случаи написания и произношения, которые подчиняются однозначным и легким правилам (и известны всем обучающимся русскому языку), например, такому правилу, как правописание *жи, ши* с буквой *и*.

Аналогичным образом – с учетом всех мелочей – должны быть представлены парадигмы остальных частей речи, в особенности глагола, словоизменение которого также обнаруживает ряд случаев неправильного формообразования. Более того отдельно в статье должны быть указаны парадигма спряжения, первые два личных окончания, причастия и деепричастия, с учетом реального употребления, поскольку, например, причастия в речи могут иметь формы, которые грамматикой не допустимы, а еще чаще не иметь причастных форм, которые грамматически возможны. Так, нормативной грамматикой допускается для переходных глаголов несов. в. все причастия, для сов. в. только действительные и страдательные прошедшего времени. Непереходные глаголы несов. в. могут иметь только действительные причастия, а сов. в. – только действительные причастия прошедшего времени. Однако в живой речи эти правила нарушаются, что должно быть отражено в словаре.

Для полного морфологического описания слова любое отклонение от нормы, будь оно связано с особыми окончаниями, постановкой или изменением места ударения и др., обязательно должно быть указано конкретно: ни в одном трудном случае читатель не должен гадать: он должен иметь перед собой точный ответ на все вопросы. Если спряжение данного слова не подчиняется никаким правилам, его, как и полную парадигму имени, следует

представлять в словарной статье полностью. Ср., например, парадигму слова *дать*.

Современная техника (компьютерный набор, наличие большой возможности варьировать форму написания и т.д.) позволяет вводить большое количество условных, т.е. особых знаков и выделять ими любой морфологический показатель.

Синтаксические показатели указываются почти во всех толковых словарях, поскольку они регулируют семантику глагола. “Семантика слова не может быть описана полностью без четкого учета его синтаксических возможностей” [6, с.91]. Они же должны быть и в переводном словаре. Ср.:

БИ//ТЬ, р., 1, 1. *во что, как, чем* **Խփել**, ծեծել: *Б. в дверь кулаком.* - *Բռնկցրով դուր ծ.:Δ Б. задом.* - *Հետևի քսրով խփել* (քսի տալ). *Свет бьёт в глаза* (փխր.). - *Լույսը փչերի է խփում:* 2. *во что* **Խփել**, թմրկահարել, զարկել: *Б. в ба- рабан.* - *Թմրկ q.:*

Зависимые слова (управляемые) играют существенную роль в уточнении, но не в определении значения прилагательного: *синий от злости, бледный из страха, широкий в плечах*, почему и словарями они не указываются.

Если значение прилагательного возможно только у полных или только у кратких форм, указание на это необходимо. Ср. в русско-армянском словаре:

ВЕСЁЛ//ЫЙ [в'ис'о'л'тый], -ая, -ое, -ые, шժ, 283 ճե'сел, -а', -о, -ы' և (խսլ.) -ы 1. **Ուրախ**, կենսուրախ, զվարթ, բարձր տրամադրությամբ: *В. характер.* - *Շ. բնավորություն:* *В. взгляд.* - *Ու. հայացք: Мне весело (սիրգ) – Ես ուրախ եմ: Весело (սկր) смеяться.* - *Ու. ծիծաղել:* 2. *լ. ձև* **Ուրախ**, զվարճալի: *В. спектакль.* - *Ու. ներկայացում:* 3. *լ. ձև* **Ուրախ**, հաճելի տեսք ունեցող (*սիրալի հալանիշը*): *В. пейзаж.* - *Ու. բնանկար: Весёлые обои.* - *Ու. ցիստաններ:*

Аналогично следует указывать формы слов остальных частей речи, если определенное значение возможно только в этих формах. Например, *вино* – *вина* (мн.ч.) и т.п.

Если функция слова непосредственно связана с его значением, ее следует указывать. Например, некоторые наречия выступают только в функции сказуемого или, выступая как предикатив, имеют особое значение. Ср. в русско-армянском словаре:

ВОЗМОЖНО, нареч., в знач. сказ. Հնարավոր է: *Это в.* – *Դի հ. է:*

Стилистические пометы в универсальном словаре должны соответствовать той классификации, которая принята в толковых и переводных словарях. Стилистически слова различаются границами употребления вне и внутри литературного языка (*диалектные, областные, профессиональные,*

арго, разговорные, просторечные, книжные, официальные), целью выражения в литературном тексте (*высокие, низкие, неодобрительные, шуточные, презрительные, грубые*), употребительностью во времени (*устаревшие, неологизмы*), сферой функционирования (*мат., биолог., мед., лингв.* и т.д.). Этот список можно продолжить, поскольку всегда возможна более подробная классификация, которая может быть нужной в определённых условиях. Однако в универсальном переводном словаре следует учитывать только такие стилистические особенности, которые непосредственно связаны со значением и употреблением. Так, один и тот же термин, как отмечалось, в текстах разных наук может иметь разное значение. Например, *величина, морфология, параметр, стопа* и др. Так, *стопа* в анатомии обозначает часть ноги, ступню, а в литературоведении – это повторяющаяся единица стиха. В подобных случаях вернее констатировать омонимию и стилистическое различие.

Слово ջարժիլ (“ломать, колоть”) в армянском в определенных контекстах нейтрально, а в определенных – стилистически маркировано, как правило, в переносных значениях. Например, в значении “разбить в пух и прах противника (во время спора)” это слово употребляется в разговорном стиле. Фактически значение определяет стиль, а стиль – соответствующее значение. Такие случаи следует фиксировать особо, поскольку они отражают особенности семантики, стиля и употребления одновременно.

Переводы, если есть сомнения, что читатель может не знать семантики слова и на родном языке, следует комментировать. Речь, в основном, о заимствованиях, новообразованиях и терминах. И в русском, и в армянском защитник прав человека при президенте почему-то *омбудсмен* (из англ. *ombudsman*). Армянин в англо-армянском словаре, как и русский в англо-русском фактически найдёт не перевод, а передачу этого слова буквами родного языка. Естественно, такие переводы следует сопровождать толкованиями, дабы необходимость в обращении к толковому или энциклопедическому словарю отпала.

В универсальном, как и в любом словаре охват материала зависит от задач составителей, однако, как бы значение слово ни затерялось во фразеологическом обороте, оно материально продолжает существовать и его значение будут искать в соответствующей статье, поэтому она должна включать и фразеологизмы, в которых толкуемое слово присутствует.

Значение следует сопровождать употреблением, причем последнее позволяет не только откорректировать семантику толкуемого слова, но и представить его в речи, что значительно повышает его понимание.

Исходя из принципов подачи примеров в [3] и [4], последние могут быть представлены самим автором словаря, на основе его языкового опыта, а также профессиональных знаний, или взяты из художественных произведений. Оба подхода имеют свои недостатки и преимущества. В первом случае пример оказывается кратким, четким, во втором случае он – реальное подтверждение фиксируемого значения со стороны мастера слова, в основном классика, из произведений которого он взят. Главное - представить употребление так, чтобы в нем значение воспринималось однозначно. Ср. для *загрызть*: *Хорёк загрыз кур.* - *Կգաքիւր հալէրին իւեղել է.*

Конечно, было бы окончательным решением вопроса толкования слова установление прямой связи между его значением и употреблением [2, с.240]. Как показано выше, это возможно, однако в таком случае резко возрастает объем словаря. Представление в словаре употребления полностью – дело будущего.

Естественно, любой словарь фиксирует и правильное написание слова, поэтому в любом случае – это и словарь правописания. Предлагаемый нами универсальный словарь отличается тем, что он представляет правописание не только неопределенной формы слова, но и всех его форм (по словоизменительным парадигмам).

Таким образом, слово, например, в русско-армянском универсальном словаре будет выглядеть так:

БАКАЛА'ВР [бѣкАла'вр], [*լիտ* baccalaureus <bacca laureātus «դափնյա պսակով պսակված»], *գ.ա.* 2: **Բակալավր՝** քառալսյա բարձրագույն կրթության աստիճան և այդ աստիճանն ունեցող մարդ: *Окончить вуз бакалавром (со степенью бакалавра).* – *Բուիւր բակալավրի աստիճանով ավարտել:* **2. Բակալավր՝** Ֆրանսիայում միջնակարգ դպրոցի շրջանավարտ: *Свидетельство бакалавра.* - *Բակալավրի վկայական:* ♦ [**бакала'вр**]ск//ий [бѣкАла'врскѣй], -ая, -ое, -ие, ած, 286 բակալավրի (-ական):

БАКАЛЕ'//Я [бѣкАл'е'јъ], [*թուրք* bakkal «ուտելիք, բանջարեղեն վաճառող» <*արաբ* bakl «բանջարեղեն»], *գ.հ.* 166: 1. *հվք* Նպարեղեն: *Богатая б.* – *Ճոխ ն.:* **2. խսկ Նպարեղեն** (խանութ, բաժին): *Купить кофе в бакалее.* - *Նպարեղենից սուրճ գնել:* ♦ [**бакале'й**]н//ый [бѣкАл'е'йнѣй], -ая, -ое, -ые, ած, 283 (1-ին իմ) նպարեղենի:

БАЛАГА'Н [бѣлАга'н], [*լէհ* bałagan <*իտալ* baracccone «շինություն»], *գ.ա.* 1: **Փայտատնակ՝** թեթև փայտաշեն շինություն՝ ժամանակավորապես ապրելու համար: *Летом жили в балагане.* – *Ամռանը փայտատնակում էին ապրում:* **2. Կրպակ** (անտրի): *Ставить б. у рынка.* – *Շուկայի մոտ կ. դնել:* **3. Բալագան՝** փայտաշեն, հավաքովի բեմիկ՝ տոնավաճառներին ներկայացումներ տալու

համար: *Выступать с балагана*. – *Բալագանից հանդես գալ*: 4. *հնց Ջավէշտա-խաղ՝ պարզունակ կատակերգական ներկայացում: Театр балагана*. – *Ջավէշտախաղի թատրոն*: 5. *փխբ Խեղկատակություն: Не серьёзный разговор, а б.- Уш нչ թե լուրջ խոսակցություն է, այլ խ.:* ♦ [балага'н]н//ый [бълАга'ннѣй], -ая, -ое, – ые, ած, 283 զավէշտախաղի (2-րդ իմ), խեղկատակ (-ային) (3-րդ իմ.)

[БАЛАМУ'Т]//И|ТЬ [бълАму'т'ѣт'], [լէհ бaлaмyсiс], բ 2а, баламу'чу, -у'чишь, *աւելաւ, խսկ 1. что* Նույնն է՝ *мути'ть: Պոտորել: Б. воду.- Ջուր պ. 2. փխբ, кого (что) Խոռվություն գգել, հրահրել, խոռվեցնել: Б. coseдей. - Հարկանների մեջ խոռվություն գգել:* ♦ *կաւտ 63[баламу'т]и|ть [взбълАмут'ѣт'], բ 2а, և на[баламу'т]и|ть [нѣбълАму'т'ѣт'], բ 2а, -у'чу, -у'тишь (2-րդ իմ) օ баламу'тящий (1), баламу'тивший (2), баламу'ченный (4), баламу'тя (5), взбаламу'тив (6):*

[БАЛ]ОВ|НИ'К [бълАвн'и'к], գ, ւ, 58, *խսկ Չարաճճի: Ну и б.! - Հո՞ւ մի չ. չէ:* ♦ [бал]ов|ни'ц//а [бълАвн'и'цѣ], գ, ւ, 173 չարաճճի աղջիկ:

Указанные параметры универсального словаря могут варьироваться в зависимости от его объема и целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1987
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1998.
4. Словарь русского языка. тт.1-4. М., 1981.
5. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
6. Fodor J., Katz J. The structure of language. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1964.

THE DICTIONARY - UNIVERSAL: TO PROBLEM STATEMENT

V.V. Madoyan

RAU

In article the idea of creation of the universal dictionary which includes all information on a word and its designated as the newest works of similar type should be such directories after which the reference to other dictionaries would be excessive is offered.

Key words: dictionary, universal dictionary, the principle of compilation of dictionaries, the appearance of words.

ՀԱՄԱՊԱՐՓԱԿ ԲԱՌԱՐԱՆ. ՄՏԵՂԾԵԼՈՒ ՀԻՄՆԱՎՈՐՈՒՄՆԵՐԸ

Վ. Վ. Մադոյան

Ռուսաստանյան-հայկական (Սլավոնական) համալսարան

Հոդվածում առաջ է քաշվում համապարփակ բառարանի ստեղծման գաղափարը, ըստ որի՝ նորագույն բառարանները պետք է պարունակեն բոլոր տեղեկությունները բառի և բառիմաստի մասին, որպեսզի ընթերցողն իր որոնումներում սահմանափակվի մեկ նման տեղեկատուով:

Բանալի բառեր. բառարան, ունիվերսալ բառարան, բառարաններ կազմելու սկզբունքը, բառի տեսքը:

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОПАГАНДА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Исследование выполнено в Российско-армянском (Славянском) университете (г. Ереван, Республика Армения) за счет средств, выделенных в рамках субсидии МОН РФ на финансирование научно-исследовательской деятельности РАУ

С.З. ШЕЙРАНЯН
РАУ

Средства массовой коммуникации причислены автором к законодателям норм как языковых (орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических), так и нравственных. На многочисленных примерах из средств массовой коммуникации показано, что культура речи, как часть общей культуры человека, разграничивает окружающие нас реалии на должные, возможные, мотивированные, с одной стороны, и недопустимые, невозможные, вредные и нелепые – с другой. Культура речи, по мнению автора, – это умение выразительно, творчески, логически стройно использовать языковые средства в зависимости от цели, условий и содержания высказывания.

Ключевые слова: культура речи, массовая коммуникация, иноязычные заимствования, нормативная речь, англицизмы, жаргон, просторечие.

На серьезные изменения в социальной жизни, какие, например, произошли на постсоветском пространстве после развала Советского Союза, язык откликается в первую очередь изменениями в словарном составе (лексико-фразеологической системе) языка. Грамматический строй представляет собой тот консервативный ярус, который наименее подвержен изменениям и колебаниям, но и он в конечном итоге неизбежно трансформируется, хотя для этого требуется гораздо более длительное время. Грамматические окказионализмы практически не имеют шансов сразу закрепиться в языке, т.к. окружающими, в основном, воспринимаются как ошибки. Например, использование одной личной формы глагола вместо другой, одного вида или времени глагола вместо другого, одного падежа вместо другого.

Простыми изменениями в лексике считаются пополнения литературного языка иноязычными заимствованиями, а также заимствованиями из диалектной, просторечной, жаргонной лексики.

Заимствования, безусловно, необходимы, они обогащают язык. Современная лингвистика не знает языков, в которых не было бы заимствований: речь может идти лишь об их уместности в каждом конкретном случае. Заимствования уместны, когда речь идет о терминах; когда появившиеся реалии вообще не имеют обозначения в языке (*паркур, маркетинг, ноутбук, планшет, йогурт, кетчуп, суши, смартфон, грант, ваучер, евро, кикбоксинг, венчурный*); когда замствуемое слово замещает сложные слова или

словосочетания (*копирайтер* – специалист по написанию текстов; *чипсы* – тонкие ломтики картофеля, зажаренные в растительном масле; *mundial* – чемпионат мира по футболу; *селфи* – фотография самого себя; *узи* – ультразвуковое исследование, *ритейл* – розничная торговля, *PR-менеджер* – специалист по связям с общественностью).

Большое количество иноязычных заимствований появилось в русском языке одновременно с новыми занятиями и специальностями, которых раньше не существовало: *блоггер*, *коллектор*, *хакер*, *байкер* и др. Вместе с тем, видимо, с целью придать большую значимость должности или выполняемой работе, уже вместо имеющихся в языке слов стали использовать англицизмы, порой довольно неблагозвучные. *Мергендайзер* – это не что иное, как прозаичный товаровед, *офис-менеджер* – секретарь (секретарша), *волонтер* – доброволец, *клинер* – уборщик (уборщица).

Конечно, тут можно возразить, что *клинер* – это не обычный уборщик, не ходит, как в прежние времена, с оцинкованным ведром и деревянной шваброй, а пользуется импортными продвинутыми чистящими средствами. Однако суть работы от этого не меняется, выполняемые функции те же. Существительные *утюг*, *чайник*, *зонт*, *ручка*, *автомобиль* сегодня служат для обозначения предметов, не очень похожих на те, которые они прежде обозначали: внешние или косметические трансформации, однако, не привели к замене слов, поскольку функции предметов остались прежними. Война представляла и представляет собой вооруженную борьбу между государствами. И хотя ведется она в новейшей истории совершенно другими средствами, чем, скажем, в древнем мире или в средние века, тем не менее, не перестает называться войной. Поэтому в целом нежелательным представляется использование иноязычного элемента в том случае, когда это приводит к вытеснению широко используемых слов русского языка. Вот несколько примеров из современных средств массовой коммуникации: *стартап* – запуск; *нарратив* – рассказ; *бонус* – вознаграждение, премия; *тренд* – направление, тенденция; *тикет* – билет; *мессидж* – сообщение; *ресетин* – приемная; *гламурный* – привлекательный, эффектный; *фейковый* – фальшивый, поддельный, сфабрикованный; *креативить* – создавать, творить; *вендиговый* аппарат – торговый аппарат; *эндаумент* фонд – целевой фонд и др.

Почему футбольные комментаторы стали употреблять слово *хавбэк* вместо привычного для русского уха *полузащитник*, а *фол* – вместо нарушение? Видимо, считают, что, употребляя “инновационные” слова, они над собой растут и выделяются среди окружающих.

В выпуске новостей на канале “Звезда” 29 января 2017 года вниманию телезрителей был предложен репортаж о прогулке тигра по кличке Оскар по улицам Палермо под весьма странным заголовком - “Опасный променад”. Неужели слово “прогулка” в указанном заголовке выглядело бы неуместным или ущербным?

И еще: иноязычные слова, попадая в заимствующий язык, должны ассимилироваться, приспособиться к фонетике, грамматике, орфографии данного языка. К большинству появившихся в русском языке англицизмов можно выразить фонетические претензии, несуразным представляется несклоняемое существительное *праймериз*, имеющее только форму множественного числа, а написания *камбэк*, *хавбэк*, *блэкаут*, *бэкграунд* противоречат правилу русской орфографии, согласно которому после согласных буква “э” не пишется.

Для массированного проникновения иноязычных заимствований (в подавляющем своем большинстве своем это англицизмы) в русский язык сегодня, кажется, открыты все возможные шлюзы. Они попадают в язык не только в качестве терминов, но и окказионально через кино, интернет, радио, телевидение, через публицистику, художественные тексты, переводы. Конечно, в языке средств массовой коммуникации лексические изменения происходят гораздо раньше, чем в художественных текстах. А в качестве отличительной черты языка интернета, обращенного к массовому читателю, вообще можно выделить чрезвычайную проницаемость, чуждую какой бы то ни было консервативности.

Очевидно и то, что в таком количестве англицизмы не сохраняются - они просто не нужны. По справедливому замечанию Л.В.Щербы, “все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет” [6, с. 28-29].

В советский период каждый текст, передаваемый по телевидению и радио, публикуемый на страницах газет и журналов, тщательно редактировался и корректировался, причем не только в плане содержания, но и на предмет соответствия лексико-семантическим, орфоэпическим, орфографическим, синтаксическим, стилистическим требованиям и нормам. Сегодня такая работа не ведется последовательно и повсеместно.

Однако если представители разных социальных групп, разных уровней культуры, разных наций и народностей, выступая к тому же экспромтом по радио или телевидению, зачастую используют ненормативную лексику, допускают грамматические, стилистические, орфоэпические ошибки, то это

еще понять можно (но не всегда принять). Так, солистка группы “Ночные снайперы” Диана Арбенина в фильме “Шальное золото” из цикла “Следствие вели с Леонидом Каневским”, характеризуя жителей Магадана, в частности, сказала: “Там нет вот этого гнилья, которое есть в центральной полосе России, когда вроде бы вместе сидели и пили водку, а через секунду он взял тебя и просто так конкретно *опустил* за пять рублей”. В программе “Любимые актеры” на канале “Мир” артист Дмитрий Певцов признался: “Мне было абсолютно фиолетово...” Интересно, в каком словаре можно найти еще и второе значение прилагательного *фиолетовый*.

Еще Л.В.Щерба отмечал, что “наша устная речевая деятельность на самом деле грешит многочисленными отступлениями от нормы” [6, с. 36]. Вместе с тем, отмеченные ученым “многочисленные отступления” в речи культурного человека допустимы лишь в определенных количествах и в определенных границах, за которыми, безусловно, должны оставаться такие формы, как *осу́ждены, возбу́ждены, на́чать, облё́гчить, углуби́ть, ихний, по-ихнему, по-любому, по-быстрому, по-серьезке, одеть пальто, прийти со школы* и др.

Образцовая речь предполагает высокий уровень общей культуры человека, а также его желание правильно и выразительно излагать свои мысли. “Очевидным условием возможности культуры языка, - по мнению Г.О.Винокура, - является, во-первых, высокая лингвистическая сознательность говорящих, а, во-вторых, тесно связанная с этим любовь к языку... Сами по себе лингвистические знания не могут воспитать лингвистического вкуса и лингвистической дисциплины, если они не предваряются культурностью говорящего” [1, с. 166-167].

Использование ненормативной лексики депутатами, лидерами думских фракций, руководителями государства просто недопустимо, поскольку дискредитирует власть. На пресс-конференции 17 ноября 2016 года президент Беларуси А.Лукашенко сказал: “Среди чиновников нет такого, чтобы выпендриваться”. В тот же день в передаче “Поединок с Владимиром Соловьевым” В.Жириновский заявил: “Губернаторы ни *хрена* сделать не могут”. В речах советских руководителей ничего подобного быть не могло по той причине, что они свои речи читали по бумаге. А “показать американцам кузькину мать” Н.С.Хрущев собирался, конечно же, не советуясь со своим спичрайтером.

Дело тут отнюдь не в ханжестве. Никто, думается, не будет возражать против мотивированного, уместного использования русского ядреного словца. И президент РФ В.В.Путин употребил словосочетание “мочить в сортире”, когда речь зашла о решительном противодействии террористам.

Справедливости ради следует добавить, что это был едва ли не единственный случай в его ораторской практике, всегда нормативной и на редкость сдержанной и корректной.

Подавать пример нормативной речи должны дикторы радио и телевидения, ведущие программ, политические обозреватели, корреспонденты, авторы статей. В их речи не должно быть места речевой неряшливости, неточности, двусмысленности, шероховатостям, несовместимым с понятиями культуры и нормами литературного языка. О какой высокой культуре речи телезрителя можно мечтать в условиях, когда его ежедневно снабжают рыхлыми, противоречивыми материалами, наспех состряпанными на полублатном языке.

Безусловно, и сегодня работают профессионалы самого высокого уровня, блестящие ораторы и эрудиты, такие как Дмитрий Киселев, Владимир Соловьев, Владимир Кондратьев, Михаил Леонтьев, Михаил Швыдкой и др., которые подают пример соблюдения языковых норм. Но не на всех каналах и не во всех передачах положение благополучное. Так, в новостях на канале “Россия 24” (23 февраля 2017 года) прозвучало: “Командующий Южного военного округа герой России А.Дворников поздравил с юбилеем ветерана Суворова”. 4-ого февраля 2017 года во время “Главных новостей” на канале РБК бегущей строкой прошла информация: “Австрийская полиция задержала 22 выходца из Чечни по подозрению в причастности к террористической деятельности”, а 21-ого января - “12 человека погибли”. В “ЧП” (Чрезвычайных происшествиях) на канале НТВ 1 марта 2017 года: “13 тыщ. рублей”, в “Экстренном вызове” на Рен ТВ 2 марта 2017 года: “Выйдя из гаража, прозвучал выстрел” и т.п.

Каждый выпуск программы “Бегущий косарь” на канале “Перец” ведущий открывает словами: “Как своими знаниями заработать штуку или, идя по улице, срубить косарь?” А также: “Дайте пять... Погнали... Сколько километров мы сегодня намотали?” и т.д.

В лексиконе ведущего программы “Макс+100500” обычными являются слова и словосочетания *по фиг, на хрен, сто пудов, бухать, задолбаться, отрубиться, дать пожрать, тихо свалить, херня, хреня, фигня, долбанство, засранец, пацан* и др. Мат же просто заглушается. А чего стоит только одно название программы “Что происходит?”

Названиями многих программ на канале ТНТ почему-то являются варваризмы, причем в иноязычном написании “Stand up”, “Comedy battle”, “Comedy club”, “Comedy woman”. В недалеком прошлом эти и подобные им

словечки служили бы средством сатиры для высмеивания людей, раболепствующих перед всем иностранным.

Комментируя на всю страну матч за звание чемпиона мира по шахматам между Магнусом Карлсоном и Сергеем Карякиным, гроссмейстер Мария Фоминых частенько использовала шахматный жаргон: лады, эндшпиля, ладейник, который более уместен в среде профессиональных шахматистов.

Не делает речь дикторов выразительной, эстетически привлекательной и обилие междометий (в том числе, совершенно неуклюжее “вау”), слов-паразитов (*собственно говоря, так сказать, значит, видите ли* и др.), злоупотребление иностранными словами, чрезмерное увлечение цифрами и сложносокращенными словами, нагромождение причастий, отступление от правил литературного произношения, неоправданный пафос, “глубокомысленные” паузы. Порой двусмысленный характер получает высказывание из-за неправильного порядка слов. Кстати, нарушением тема-ремных отношений грешила и речь бывшего премьер-министра В.С. Черномырдина, на что справедливо указала ректор Санкт-Петербургского университета Л.А. Вербицкая в передаче “Звезда на Звезде” с Л.Якубовичем.

Вообще несовместимы с понятием культура и многие рекламные ролики, где изо дня в день предлагаются, к примеру, средства, обеспечивающие “надежное облегчение после запора”, или, наоборот, чудесным образом избавляющие от поноса. Свечи от геморроя, оказывается, прокладывают в туалет дорогу, закрытую до их использования колючей проволокой. А ратующий за “очень опасную” сексуальную активность Нагиев, как всегда, в развязной, бесцеремонной манере, развалившись на диване, повторяет и повторяет: “Можешь, когда хочешь.., всегда можешь.., и ты можешь”...

Сегодня, к сожалению, перестала быть элементом культуры книга. Книжные магазины повсеместно закрываются за ненадобностью. Домашние библиотеки, полученные по наследству, за бесценку сдаются букинистам или продаются вместе с квартирой в качестве довеска.

То, что читать стали меньше, отметил и президент РФ В.В.Путин, призвав “возродить в обществе ценность хорошей книги”. По данным опросов, даже студенты филологических факультетов в подавляющем своем большинстве осваивают программу по литературе в кратких пересказах. Если же говорить о жанровых предпочтениях сегодняшних читателей, то это фантастика, любовные романы, детективы, мистическая литература, постапокалиптические саги. Сегодня с удовольствием выдаваемые на-гора относительно большими по нынешним временам тиражами детективы Даниила Кореецкого, Александры Марининой, Полины Дашковой по своему авторскому стилю так же неотличимы друг от друга, как неотличимы задан-

ные на дом, но наспех списанные у одноклассников на перемене школьные сочинения. Понятно, что о детективе обычно не судят по богатству и мастерству слова. В этом жанре на первый план выходит сложность нестандартного разрешения логической задачи и, конечно же, оригинальность личности сыщика, расследующего преступление, но и этого нет. А о том, чтобы обогатить нравственное и эстетическое чувство читателя, открыть какие-то новые грани жизни и рассказать о ней языком настоящего искусства, и мечтать не приходится.

А ведь Советский Союз считался самой образованной и самой читающей страной мира. И это были не просто слова. Читали везде: дома, в библиотеках, в клубах, в транспорте, на ходу, за обедом – читали взахлеб, а потом обсуждали, спорили.

Некогда флагман советской культуры, “Литературная газета” сегодня на своих страницах регулярно публикует горячую десятку анекдотов месяца. В номере 7(6587) от 22-28 февраля 2017 года на странице 20 находим следующие перлы: “Говорят, через пару лет можно будет пописать на экран айфона, и он скажет, беременна ли ты, а если да, то от кого”; “Уборщица в правительственном туалете, шваркая шваброй: Страной они управляют! Причиндалом своим научитесь управлять!..”

Конъюнктурщиками в известной степени стали режиссеры. К сожалению, они тоже должны приспосабливаться к новым условиям, снимая так называемые коммерческие фильмы. Количество детективов на телеканалах возросло на порядок по сравнению с советским временем. На канале НТВ, например, детективные сериалы, открытые почти к бесконечному продолжению, сменяют один другой (иногда по десять серий в день): “Дикий”, “Инспектор Купер”, “Мент в законе”, “Балабол”, “Карпов”, “Глухарь”, “Пятницкий”, “Улицы разбитых фонарей”, “Ментовские войны”, “Шериф”, “Лесник”, “Пасечник”, “Пес” и многие другие. Герои сериалов зачастую отличаются лишь внешними чертами, фамилиями и именами. Даже биографии во многом схожи: как правило, это люди или несправедливо уволенные из органов и потерявшие по какой-то причине работу, а иногда и близких (и потому жаждущие мести), или разведенные: единственный ребенок живет с бывшей женой, отношения с которой крайне натянуты и т.д. Отсюда схематичность героев, “кочующих” из одного сериала в другой, и повторяющиеся однообразные сюжеты. Сколько-нибудь яркие актерские работы можно по пальцам перечислить. А атлетическая фигура, кажется, едва ли не единственный критерий отбора актеров на мужские роли.

Никто не сомневается в том, что при наличии художественной мотивированности в фильме могут звучать и элементы нелитературного языка – жаргонные, диалектные, просторечные, профессиональные и т.д. Для типизации, для речевой характеристики действующих лиц, для показа нравов и особенностей той или иной среды, а также как средство выразительности это, конечно, допустимо. Но даже тут следует руководствоваться пушкинским принципом “соразмерности и сообразности”, поскольку нарушение этого принципа приводит к снижению художественной ценности фильма (или произведения, по мотивам которого снят фильм), наносит ущерб эстетической стороне текста.

Сегодня уже никого не возмущают такие обращения, как *осел, козел, баклан, курица, овца, коза, кошка драная* и др.: они стали в современных художественных фильмах обычными и нормальными. Все это свидетельствует, прежде всего, о скудости мыслей и, конечно же, о том, что язык кинематографа в целом обедняется, становится однообразным и бесцветным.

Совершенно недопустимо употребление грубо-просторечных слов, жаргонизмов и арго не в качестве стилистического приема (т.е. в речи не уголовников, а, скажем, следователей и оперативников). В сериале “Мент в законе” речь работников правоохранительных органов изобилует следующими словами и выражениями: *ошиваться, просвечивать, прихлопнуть, завалить, замочить (кого-то), вписаться (за кого-то), рамсы попутать, лепить горбатого, отвечать за базар, бабки поднять, слить информацию, поляну накрыть, пузырь водяры раздавить, разрулить ситуацию, предъявить (кому-то), ствол, фуфло, висяк, кореш, беспредел, передоз, бухать, заматано, находиться на киче* и многие другие.

Порой трудно определить не только значение слова, но и то, к какой части речи оно принадлежит. Так, актер И.Лифанов в сериале “Дикий” спрашивает у дочери: “Тебе *заподло* брать у отца деньги?” В фильме “Посредник” этот же артист говорит: “Я не *заподло*”. В первом предложении слово “заподло” вроде бы является наречием, во втором же – существительным.

Наверное, создателям этих фильмов кажется, что ненормативная лексика, а порой и мат – это подлинный реализм. Но неужели следователи в советских фильмах, не употреблявшие жаргонные слова, были менее убедительны? Достаточно только вспомнить глубоко реалистичные, психологически наполненные кинообразы, созданные замечательными актерами советского кино: М. Жаровым (“Деревенский детектив”, “Анискин и Фантомас”), В. Санаевым (“Возвращение Святого Луки”), К. Лавровым (“Колье Шарлотты”), Г. Бурковым (“Профессия следователь”), В. Лановым (“Пет-

ровка, 38” и “Огарева,6”), О.Басилашвили (“Противостояние”), С.Шакуровым (“Визит к Минотавру”).

Несомненно и то, что речь героя всегда ситуативна, как и его поведение в целом, его внешний вид, одежда и т.д. Так, в заключительной серии культового фильма С.Говорухина “Место встречи изменить нельзя” речь Шаропова изобилует далеко не литературными словечками: *кодла, перо, пушка, архаровцы, заныкать, замордовать, колотья* – и это резонно: он внедрен в банду и ему жизненно необходимо произвести соответствующее впечатление на уголовников.

Приходится, конечно, констатировать, что человеку в жизни недостаточно знать один только литературный язык. Кроме него нужно знать жаргон школьный (в школе), студенческий (в университете), солдатский (в армии), спортивный (в спортивной секции), профессиональный (на работе) и т.д. – и это нормально. Жаргон существовал во все времена, от него никуда не деться, и к этому нужно относиться спокойно. Жаргона нет только в мертвых языках. Студенческий, например, отражает образ жизни студенческой молодежи: сегодня, в частности, это ее связь с компьютером и интернетом (“гуглить” – искать информацию в интернете с помощью Google и др.). В большинстве своем они не вытесняют из сознания литературные эквиваленты, а сосуществуют с ними. В разные периоды своей жизни человек по мере необходимости пользуется словами из разных жаргонов, от которых в дальнейшем сам добровольно может и отказаться. Так, трудно представить, чтобы человек пожилого возраста называл себя *предком*, а друзей и подруг соответственно *чуваками* и *чувихами*.

Другое дело уголовный сленг, на котором человек не общается (если не имеет уголовного прошлого или настоящего), но с которым, по воле писателей и сценаристов, должен быть знаком, хотя бы пассивно, чтобы понимать специфические произведения литературы и кинематографа. Получается совсем, как в фильме “Джентльмены удачи”, где герой Е. Леонова усиленно штудировал необходимые ему для общения в тюрьме слова: “*редиска* – нехороший человек, *скачок* – ограбление, *шухер* – опасность”.

Отметим попутно, что принципы индивидуализации и типизации речи героев многообразны, а своеобразие речевого строя должно проявляться не исключительно в экзотике специфических жаргонных слов (хотя и они могут иметь место), а в стилистическом колорите речи, в характерной структуре фразы, состоящей из уместных, тщательно отобранных слов и выражений, в умелом использовании интонаций. Запоминающуюся, характерную, глубоко индивидуальную речь своих героев, раскрывающую со-

циально-психологическую сущность образов, лучшие писатели и сценаристы во все времена создавали прежде всего средствами общенационального языка.

Действенность искусства в его запоминаемости. Поэтому, хотя мы и слышим в повседневной жизни ненормированную лексику, всячески популяризировать ее и закреплять в памяти зрителей не имеем права. К месту прозвучавшее с экрана меткое, удачно найденное слово или остроумное замечание не забывается, подхватывается зрителями, становится крылатым. В качестве примеров можно привести многочисленные афоризмы из фильмов “Служебный роман”, “Бриллиантовая рука”, “Невеста с севера” и др. Следует отдавать себе ясный отчет в том, что так же быстро могут войти в употребление и стать расхожими прозвучавшие в фильме ненормированные элементы речи, бестактные и неуместные замечания, уличная брань, похабные и непотребные анекдоты, которые не имеют, конечно, ничего общего с демократизацией общества, со свободой самовыражения, поскольку любая свобода так или иначе должна быть основана на нравственных самоограничениях. В этом плане телевидение, наряду с другими средствами массовой коммуникации, можно смело причислить к законодателям норм, как языковых (орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических), так и нравственных.

И точно так же, как истинное искусство возвышает и облагораживает, лишенное глубокого духовного содержания массовое искусство, рассчитанное на потребительский спрос и примитивные вкусы, приводит к атрофии интеллекта, нравственному упадку, к деградации. По меткому замечанию В.В.Мадояна, “проникновение в живую речь просторечной и разговорной стихии размывает границы литературной нормы, снижает общий стиль виртуальной коммуникации, результатом чего является снижение общей культуры речи и культуры личности” [3, с.70].

Красочным шоу, участники которых без специальной профессиональной подготовки поют, танцуют, упражняются в остроумии, нет конца. Такая тотальная *шоуизация* чревата в итоге бескультурьем, потребительским отношением к жизни в целом и к искусству, в частности.

Разумеется, ориентированные на усредненный уровень развития массовых потребителей, развлекательные, утилитарно-зрелищные виды искусства в дозированном количестве тоже нужны как средство психологической разрядки, отдыха. Но как только развлекательность в искусстве начинает превалировать, высокое искусство превращается в нечто лишнее и ненужное. Ведь еще Л.Н. Толстой в своем трактате “Что такое искусство?” (1897-

98) предупреждал об опасности превращения искусства из “серьезного дела жизни” в праздную забаву [5].

Запросы аудитории, как известно, не формируются стихийно, а во многом определяются и содержанием предлагаемых телеэкраном передач (среди которых есть и отвечающие самым высоким требованиям – большей частью на канале “Культура”). Тут ни в коем случае нельзя уповать на то, что каждый зритель в конечном счете сориентируется и найдет то, что соответствует уровню его развития и вкусам (в том числе эстетическим). Зритель подготовленный, с уже сложившимся вкусом, безусловно, найдет. А как сориентироваться неподготовленному, неопытному зрителю в огромном потоке информации, которая порой просто отупляет и оглушает, подобно быстродействующему наркотику. Общеизвестно, что сорняк способен заглушить культурное растение. Понять и в дальнейшем напевать пошлую песенку, в которой всего-навсего две строчки убогого содержания, легче, чем почувствовать и оценить серьезную классическую музыку. Реагировать на похабную историю или плоскую шутку, прозвучавшую в “Реальных пацанах” или “Открытом микрофоне” на канале ТНТ, даже и не нужно – закадровый смех сделает это за вас. Для того же, чтобы оценить тонкую иронию и остроумие (не острословие!), требуется определенная культура мышления и речи.

В Словаре-справочнике по методике русского языка культура речи определяется следующим образом: “Владение нормами устного и письменного литературного языка (орфоэпия, ударение, словоупотребление, орфография, морфология, синтаксис), а также умение использовать выразительные возможности языка в соответствии с целями высказывания, с коммуникативной целесообразностью, с условиями общения... Культура речи может быть достигнута лишь на основе общей культуры субъекта и окружающих его людей, любви к родному языку, высокой культуры мышления” [2, с. 90].

Культура речи, как часть общей культуры человека, разграничивает окружающие нас реалии на должные, возможные, мотивированные, с одной стороны, и недопустимые, невозможные, вредные и нелепые – с другой. Культура речи – это умение выразительно, творчески, логически стройно использовать языковые средства в зависимости от цели, условий и содержания высказывания.

Статью хочется завершить словами С.П. Обнорского, которые и сегодня как нельзя актуальны: “Наш литературный язык не оскудеет и не обеднится, а, напротив, окрепнет и вырастет в более строгих и высоких своих формах, если мы с большой разборчивостью как в письменной, так и в

живой речи будем относиться к использованию не только диалектных элементов, но и иных не чисто литературных пластов, каковы элементы профессионального языка, просторечие, да и известные элементы живой разговорной речи.” [4, с. 191].

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Культура языка. - В кн.: Основы культуры речи: Хрестоматия.- М.: Высш. шк., 1984, с.163 – 173.
2. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка.- М.: Просвещение, 1988. –240 с.
3. Мадоян В.В. Значение и мысль в статике и динамике двух языков. М., РАН, 2016. - с.284.
4. Обнорский С.П. Культура русского языка. - В кн.: Основы культуры речи: Хрестоматия.- М.: Высш. шк., 1984, с.173 – 191.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч: В 22 т. Т.15. Статьи об искусстве и литературе.- М.: Худож. лит., 1983.- 432 с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974.- 428 с.

MASS COMMUNICATION AND PROPAGANDA OF THE STANDARD OF SPEECH

S.Z. Sheyranyan
RAU

Mass media are ranked by author as legislators of norms, as language (orthoepic, lexical, grammatical, stylistic), and moral. On numerous examples from mass media it is shown, that a standard of speech as the part of the general culture of the person, differentiates realities surrounding us on due, possible, motivated, on the one hand, and inadmissible, impossible, harmful and ridiculous - with another. The standard of speech, according to author, is an ability expressively, creatively, logically harmoniously to use language means depending on the purpose, conditions and the statement maintenance.

Key words: *a standard of speech, a mass communication, loans speaking another language, standard speech, Anglicism, a slang, popular speech.*

ԶԱՆԳՎԱԾԱՅԻՆ ՏԵՂԵԿԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆ ՈՒ ԼԵԶՎԻ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՊՐՈՊԱԳԱՆԴԱՆԻՍՏ

Ս.Զ. Շեյրանյան

Ռուսաստանյան-հայկական (Մլավոնական) համալսարան

ԶԼՄ-ը հեղինակը բնորոշում է որպես լեզվական (արտահայտչական, բառագիտական, քերականական, ոճաբանական) և բարոյական նորմերի օրենսդիր: Բազմաթիվ օրինակներով ժամանակակից զանգվածային լրատվամիջոցներից ցուցադրվում է, որ լեզվի մշակույթը մարդու ընդհանուր դաստիարակվածության մասն է: Հեղինակը բաժանում է շրջակա իրողությունները պարտադիր, հնարավոր, երանգավորված տեսակների, մի կողմից, անթույլատրելի, անհնարին, վտանգավոր և անհեթեթ տեսակների՝ մյուս կողմից: Նրա կարծիքով՝ խոսքի մշակույթը դա լեզվի միջոցների արտահայտիչ, ստեղծագործական, տրամաբանորեն հստակ կիրառելու ունակություն է՝ ըստ արտահայտության նպատակների, պայմանների և բովանդակության:

Բանալի բառեր. *խոսքի մշակույթ, զանգվածային տեղեկատվություն, օտարալեզու փոխառություններ, նորմավորված խոսք, անգլերենաբանություններ, ժարգոն, պարզունակ խոսակցական լեզու:*

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА ИЗ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Л. БАНКОВА
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

В работе рассказывается о результатах исследования заимствованной лексики китайского происхождения в русском языке. Рассматриваются данные анализа, полученные методом сплошной выборки из словарей иностранных слов в русском языке, определяется наиболее продуктивная лексико-семантическая группа. Приводятся примеры и объяснения полностью ассимилировавшейся лексики, вошедшей в русский язык из китайского, зафиксированной лексикографическими источниками. Проанализирован пласт лексики китайского происхождения, еще не прошедший фиксацию в словарях русского языка, к которому относится диалектная лексика, жаргонно-арготические и окказиональные слова.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, заимствования, варваризмы, слова иностранного происхождения, ассимиляция, диалектизмы, окказионализмы, жаргонно-арготическая лексика.

Язык, подобно живому организму, постоянно развивается, вступает во взаимодействие с другими языками, и результатом межъязыковой интеграции является заимствованная лексика. В русском языке существуют обширные пласты слов, заимствованных из латинского, французского, английского, греческого и других языков. Однако количество заимствований из китайского языка крайне невелико. Ю. Уфимцев в своей статье, ссылаясь на Г.М. Осокина, объясняет данное обстоятельство двумя причинами. Во-первых, наличие у русских стремления объясняться с китайцами на русском языке и нежелание учить китайский, во-вторых, наличие у китайцев желания учить русский язык и общаться на нем с русскими¹. В настоящее время в связи с влиянием экстралингвистических факторов (подъемом российско-китайских отношений и, как следствие, увеличением количества людей, владеющих китайским языком) наблюдается новая волна вхождения лексики китайского происхождения в русский язык. Подобная лексика не зафиксирована в словарях, и назрела необходимость ее осмысления и учета.

Целью данной работы является исследование лексики китайского происхождения в русском языке, как уже зафиксированной лексикографи-

¹ Уфимцев Ю. Китайские слова в русском языке. Есть и такие! [Электронный ресурс] // ASIADATA.RU: [сайт]. – [2004]. – URL: <http://www.asiadata.ru/?lang=ru&path=0:52&id=2970> (дата обращения: 25.02.2015)

ческими источниками, так и недавно вошедшей в обиход носителей русского языка. Рассматриваются сферы и способы ее проникновения, механизмы данного процесса и определение лингвистического статуса вновь входящих единиц. Актуальность данной работы связана с тем, что тема слабо развита ввиду малой представленности лексики китайского происхождения в языке-реципиенте, то есть в русском языке.

Основополагающим понятием исследования является «заимствование», которое определяется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате *контактов языковых*, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. «...» Заимствования приспосабливаются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа...»².

Помимо заимствований в исследовании используется понятие «иностранное слово». Между заимствованиями и иностранными словами существует различие. Заимствования адаптируются к морфологическим и фонетическим нормам русского языка, в то время как иностранные слова сохраняют фонетические, орфографические, грамматические и семантические особенности. «Иностранные слова относятся, главным образом, к специальным отраслям знания или производства. Иногда они обозначают свойственные чужим народам или странам понятия (этнографизмы, регионализмы, экзотизмы), Слова такого рода обычно толкуются в специальных словарях иностранных слов, часть из них включается в общие словари. Некоторые иноязычные по происхождению слова занимают промежуточное положение между иностранными словами и полностью освоенными заимствованиями, например, в русском языке широкоупотребительное слово «пальто» до сих пор не получило способности склоняться. На первых ступенях заимствованные слова чужого языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений, сохраняя свой иноязычный облик, а если они (обычно как проявление моды) получают более или менее регулярное употребление, то их называют варваризмами...»³

Как видно из вышеприведенных определений, разные источники предлагают разные термины для еще не адаптировавшейся в языке-реципиенте лексики – «варваризмы» и «иноязычные слова», однако, по сути, они тождественны.

Выявление зафиксированных в лексикографических источниках заимствований из китайского языка целесообразно проводить по трем направлениям: из словарей иностранных слов, из общих словарей, а также этимологических словарей русского языка.

² Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 403.

³ там же

Для выявления уже закрепившейся в русском языке лексики методом сплошной выборки был исследован «Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов» под редакцией А.Н. Булыко.⁴ По сравнению с другими языками, представленность уже зафиксированных в лексикографических источниках заимствований из китайского языка в русском языке невелика. Было выявлено 35 лексем. Тем не менее, полученные показатели уже больше тех, которые дает «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, зафиксировавший только восемь китайских заимствований.⁵ Малое количество выявленных в данном исследовании лексем дает возможность перечислить их в корпусе работы: *байховый, ван, гаолян, гинкго, гоуха, гоминьдан, даба, дао, даосизм, дацзыбао, жемчуг, жень, женьшень, каолин, кан, кунгфу (кунг-фу), локва, мабу, макао, нанка, сампан, тайпины, тайфун, тунг, тоу, ушу (у-шу), фанза, фу, фынь, хунхузы, хунвэйбины, цигун, чау-чау, чесуча, чумиза, юань*.

Анализ Словаря иностранных слов и выражений⁶, также проведенный методом сплошной выборки, добавляет новую информацию: выявлено 5 лексем, не упомянутых в Словаре иностранных слов под редакцией Булыко А.Н.: *джонка, конфуцианство, минтай, чай, шэн*.

Можно отметить, что в связи с расширением торговых связей и технических возможностей в последнее время на российских прилавках можно увидеть экзотические для средней полосы продукты с заимствованными из китайского языка наименованиями фруктов (*кумкват, личи, манго*), сортов чая (*пуэр, лунцзин, улун*), напитков (*маотай, байцзю*), блюд (*тофу, цзяозы, баозы, лагман, манты*). Все перечисленные названия зафиксированы в Большом китайско-русском словаре⁷.

По дополнительным лексикографическим источникам были выявлены следующие лексические единицы: *кетчуп*⁸, *фэн шуй*⁹, *тайцзицюань*¹⁰, *вок*¹¹, *сатин*¹², *ши-тсу*¹³.

⁴ Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. Изд. 3-е, испр., перераб. – М.: Мартин, 2011. – 704 с.

⁵ Русские слова китайского происхождения [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. – [2015]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_слова_китайского_происхождения (дата обращения: 07. 03. 2016)

⁶ Трус Н., Шубина Т. Словарь иностранных слов и выражений. М.: «Литература», 1997. – 576 с.

⁷ БКРС – Большой русско-китайский словарь [сайт]. – URL: <http://www.bkrs.info/> (дата обращения: 15.12.2015)

⁸ Кетчуп [Электронный ресурс] // Толковый словарь иностранных слов под ред. Л. П. Крысина: [сайт]. – [1998]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds/19497/КЕТЧУП (дата обращения: 02.03.2016)

⁹ Фэн шуй [Электронный ресурс] // АКАДЕМИК: [сайт]. – [2014]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1163704> (дата обращения: 04.03.2016)

¹⁰ Тайцзицюань [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь: [сайт]. – [2009]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/147801/тайцзицюань> (дата обращения: 04.03.2016)

¹¹ Вок [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. – [2015]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вок> (дата обращения: 04.03.2016)

¹² Сатин [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь современного русского языка под ред. Ушакова Д.Н.: [сайт]. – [2014]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1016294> (дата обращения: 04.03.2016)

¹³ Ши-тсу [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. – [2016]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ши-тсу>

Обзор вышеперечисленной лексики показывает интересную грамматическую особенность, отраженную в лексикографии, а именно, представители лексико-семантической группы «Наименования политических групп и деятелей» употребляются во множественном числе, т.е. представлены собирательными именами существительными. Кроме этого, наблюдается такой механизм номинации, как переход имен собственных в имена нарицательные, в проанализированной лексике примером может служить географическое название города Нанкин, от которого пошло нарицательное имя «нанка» и название местности в Китае Каолин, давшей имя сорту глины. Кроме этого, относительно лексемы «каолин» следует отметить наличие в Словаре трех производных от нее лексем: «каолинизация», «каолинит», «каолиноз». Однако они не были включены в вышеприведенный список именно в связи с тем, что заимствована была именно лексическая единица «каолин», а они сами появились уже в русском языке после ее ассимиляции.

Отдельный интерес представляет лексическая единица «чай», ведущая свое происхождение от слова «茶, chá» (кстати, в английском языке «tea» также происходит от данного китайского слова, только заимствованного из южно-фуцзяньского диалекта китайского языка, где оно произносится иначе). Лексема «чай» встречается в словаре иностранных слов 1997 года, однако отсутствует в словаре иностранных слов 2011 года издания, из чего можно сделать предположение о ее ассимиляции в русский язык. Подтверждением этого является наличие данного слова и разветвленной системы образованных от него лексем в «Словаре русского языка» Ожегова С.И.¹⁴.

Как говорилось выше, иностранные слова могут настолько войти в корпус лексики русского языка, что их иноязычное происхождение не ощущается даже его носителями. Например, слово «книга», этимологию которого приводит Ю. Уфимцев: «По Фасмеру: книга – имеет китайский первоисточник *king*. Думается, что этимология этого слова следующая. В Китае книги издавались в виде свитков, списков (*Juan*). На свитках печатались произведения – *jing* – сочинения, трактаты, например «Даодэ цзин», «И цзин». В европейской традиции китайский звук *jí* записывался как *ki*. Например, провинция Цзянсу *Jiangsu* записывалась как *Kiangsu*. Поэтому и слово книга произошло от европейской транскрипции китайского слова, «цзин», обозначающего трактат, сочинение.¹⁵ В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского по поводу происхождения слова «книга» имеются следующие сведения. «Общеславянское. Происхождение неясно. Считается обычно заимствованием (или из герм. яз. – ср. др.-сканд. *kenning* – «знак, мета», или из тюркск. яз. – ср. *küinig* – «свиток», представляющее в этих языках переформливание синонимического слова из китайского). Однако возможно толко-

wikipedia.org/wiki/Ши-тсу (дата обращения: 04.03.2016)

¹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 25-изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – С.857.

¹⁵ Уфимцев Ю. Китайские слова в русском языке. Есть и такие! [Электронный ресурс] // ASIADATA: [сайт]. – [2004]. – URL: <http://www.asiadata.ru/?lang=ru&path=0:52&id=2970> (дата обращения: 25.02.2015)

вание слова и как славянского суффиксального образования от основы кьн- (ср. готск. *kunpan* – «знать», др.-сканд. *kunna* – «учить» и т. д.)»¹⁶.

Относительно путей проникновения остальных китайских слов в русский язык заметим, что большинство слов перешло напрямую, то есть их можно назвать прямыми заимствованиями. Однако некоторые лексемы попали в русский язык из китайского посредством других языков, то есть являются косвенными, или вторичными, заимствованиями. Так, через английский язык в русский попали такие лексемы китайского происхождения, как «тайфун» (англ. *typhoon* < *кит.* *taj fung*), «кетчуп» (англ. *ketchup* < *амойск.* *kê-chiap* < *кит.* 鲑汁). Через французский язык было перенято название ткани «сатин» (франц. *satén* по названию места вывоза – китайского порта Тсётунг). Через малайский язык русский язык обогатился экзотизмом «джонка» (от *djong*), лексема «жемчуг» пришла посредством древне-тюркского *jenčü*, та в свою очередь из китайского *čenču*. Лексическая единица «минтай» имеет китайское происхождение, попала в русский язык через вьетнамское «*mintaj*». Японский язык выступил посредником заимствования лексемы «гинко» (от *яп.* *hinko* < *кит.* *inhinh*, букв. «серебристый абрикос»).

Рассмотрим распределение найденных в лексикографических источниках единиц китайского происхождения по семантическим группам (рядом с обозначением группы в скобках указано количество лексем, также при объяснении значения слова, по возможности, приводятся китайские иероглифы, отражающие его этимологию):

1. Продукты питания (15): байцзю (白酒 *báijiǔ* вид водки), баозы (包子 *bāozi* паровые пирожки), кетчуп (острый соус из томатов), кумкват (金桔 *jīnjú* фрукт), лагман (拉面 *lāmian* вид лапши), личи (荔枝 *lìzhī* фрукт, разновидность китайской сливы), лунцзин (龙井 *lóngjǐng* сорт чая), манго (芒果 *mángguǒ* фрукт), манты (满头 *mǎntóu* блюдо), маотай (茅台 *máotái* сорт алкоголя), пуэр (普洱 *pǔ'ěr* сорт чая), тофу (豆腐 *dòufu* соевый творог), улун (乌龙 *wūlóng* сорт чая), цзяозы (饺子 *jiǎozi* пельмени), чай (茶 *chá* вид напитка).

2. Обозначения представителей флоры и фауны (10): байховый (白花 *báihuā* рассыпчатый, непрессованный чай), гаолян (高粱 *gāoliang* травянистое растение семейства злаков), гинкго (白果 *báiguǒ* листопадное дерево семейства гинковых), женьшень (人参 *rénshēn* вид растения), локва (丰比把 *fēng bǐ bà* разновидность мушмулы), минтай (明太鱼 *míngtài yú* вид рыбы), тунг (桐树 *tóngshù* листопадное дерево семейства молочайных), чау-чау (松狮 *sōngshī* порода собак), чумиза (谷子 *gǔzi* травянистое растение семейства злаков), ши-тцү (獅子 *shīzi* порода собак).

3. Названия предметов быта, артефактов (7): вок (锅 *guō* китайская сковорода), джонка (распространённый в Китае тип парусного грузового судна с широкими и высоко поднятыми кормой и носом), кан (炕 *kàng* отапливаемая китайская

¹⁶ Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР. Москва, 1961. С. 152 - 153

лежанка), книга, мабу (китайский и тибетский духовой музыкальный инструмент), сампан (三板 sānbǎn дощатая плоскодонная лодка, иногда с навесом), шэн (язычковый музыкальный инструмент).

4. Названия тканей и материалов (7): даба (大巴 dàbā вид китайской бумажной ткани), жемчуг (珍珠 zhēnzhū драгоценное перламутровое вещество), каолин (高岭 gāolǐng белая огнепрочная глина), нанка (南京 nánjīng грубая хлопчатобумажная ткань, обычно желтого цвета), сатин (плотная тонкая хлопчатобумажная ткань), чесуча (苧绸 jiǎnchóu плотная шелковая ткань полотняного переплетения, обычно желто-песочного цвета), фанза (房子 fángzi легкая шелковая материя).

5. Наименования политических групп и деятелей (5): ван (王 wáng правитель области или мелкого феодального государства в Древнем Китае), гоминьдан (国民党 guómíndǎng политическая партия в Китае), хунхузы (红胡子 hóng húzi участники вооруженных грабительских банд в Китае начала 20 в.), хунвэйбины (红卫兵 hóngwèibīng участники созданных в 1966 г. во время так называемой культурной революции отрядов из учащихся средних школ и студентов, использовавшиеся для борьбы с противниками Мао Цзэдуна), тайпины (太平 tàipíng участники крестьянской антифеодальной войны в Китае 1850-1864 гг. против маньчжурской династии Цин).

6. Философские и научные понятия (5): дао (道 dào понятие древнекитайской философии), даосизм (道教 даосское направление, религия), жень (人 rén основная китайская конфуцианская добродетель), конфуцианство (儒学 rúxué разработанное Конфуцием философское учение), фэн шуй (风水 fēngshuǐ букв. «ветер и вода» даосская практика символического освоения пространства).

7. Виды боевых искусств и спортивных практик (4): кунгфу/ кунг-фу (功夫 gōngfu система китайской оздоровительной гимнастики и спортивной борьбы), тайцзицюань (太极拳 tàijíquán традиционная китайская гимнастика), ушу/ у-шу (武术 wǔshù боевое искусство, оздоровительная и спортивная гимнастика), цигун (气功 qìgōng дыхательная гимнастика).

8. Меры веса, длины и денежные единицы (3): тóу (头 tóu мера жидких тел, равная 10,3 л), фынь (分 fēn мелкая разменная монета), юа́нь (元 yuán денежная единица Китая, равная 100 фыням).

9. Направления в литературе и искусстве (3): гохуа́ (国画 guóhuà традиционная школа китайской живописи водяными красками на шелковых и бумажных свитках), дацзыбао (大字报 dàzìbào настенные рукописные листовки и плакаты), фу (жанр китайской литературы, небольшая описательная поэма в форме ритмической прозы).

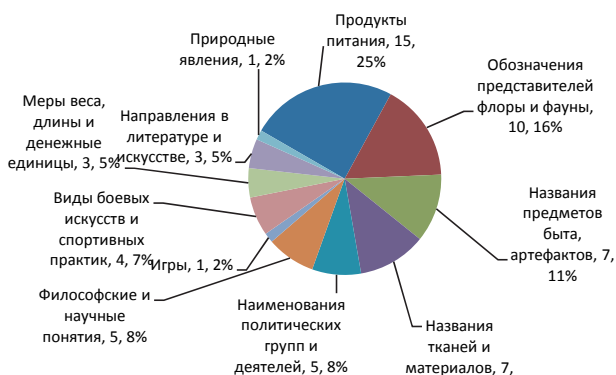
10. Игры (1): макао (род азартной карточной игры).

11. Природные явления (1): тайфун (台风 táifēng ураганный ветер с моря).

Проведенный анализ лексикографических источников позволил в итоге выделить 61 лексическую единицу, заимствованную из китайского в русском языке.

Как видно, наибольшее число слов из китайского языка в русский входит из семантической группы «Продукты питания», состоящей из 15 лексических единиц.

Диаграмма 1. Распределение лексических единиц по семантическим группам (цифрами указано количество лексем в группе, процентные доли показывают удельный вес группы).

Кроме лексики, зафиксированной в лексикографических источниках, имеется пласт слов, не отраженных в словарях и литературных произведениях. К нему относятся диалектизмы, профессиональные жаргонизмы и окказионализмы.

По словам В.И. Горелова, диалектизмы «можно квалифицировать как стилистически маркированные лексические единицы, характерные главным образом для разговорного стиля ...»¹⁷. Они получили широкое распространение в пограничных с Китаем районах. Например, в Забайкалье многие понимают значения слов «чифанить», «куня», а уже в Новосибирске – нет. Ю. Уфимцев пишет о таком случае, когда «корреспондент НТВ во Владивостоке с удивлением и интересом узнал этимологию слова «чифанить» (кушать), которым пользовался с самого детства, проживая на Сахалине и в Хабаровском крае. Для него явился открытием тот факт, что слово это имеет китайские корни».¹⁸ Диалектизмами можно считать лексемы: чифанить (кушать), чифан (еда), чифанька (закусочная), куня (девушка), фанзаманзы (маньчжуры), хутун (старая, небольшая улочка)¹⁹.

¹⁷ Горелов В.И. Лексикология китайского языка. Москва. Просвещение, 1984. – С. 46.

¹⁸ Уфимцев Ю. Китайские слова в русском языке. Есть и такие! [Электронный ресурс] // ASIADATA: [сайт]. – [2004]. – URL: <http://www.asiadata.ru/?lang=ru&path=0:52&id=2970> (дата обращения: 25.02.2015)

¹⁹ Заимствования из китайского языка в русский [Электронный ресурс] // Восточное Полушарие: [сайт]. – [2013]. – URL: <http://polusharie.com/index.php?topic=109412.0>

Другой группой слов, не зафиксированных в лексикографических источниках, является жаргонно-арготическая лексика, то есть «условные, неофициальные слова и словосочетания, употребляемые в речи отдельных социальных групп»²⁰. Лексемы рассматриваемого типа формально имеют признаки русского языка (наличие окончаний, синтаксических функций), то есть морфологически и синтаксически освоены. Тем не менее, нельзя утверждать об их полном заимствовании русским языком, поскольку их использование ограничено узким кругом людей, в данном случае, владеющих китайским языком. Данную лексику целесообразно определить как жаргонно-арготическую еще и потому, что, обладая яркой экспрессией, эти слова являются неофициальными синонимами уже имеющихся в русском языке общепринятых лексических единиц.

Обилие жаргонно-арготических лексем часто наблюдается на Интернет-форумах, посвященных китайской тематике (изучению китайского языка и т. п.). Примером может служить Большой китайско-русский словарь онлайн (БКРС)²¹ со своими форумами, где общаются как опытные, так и начинающие китаисты. Анализ их дискурса выявил частое и повсеместное употребление лексем «лаовай» (от 老外 *lǎowài* – иностранец) и «лаобайсин» (от *lǎobǎixìng* 老百姓 – обозначение простого народа, населения).

Помимо диалектизмов и жаргонизмов-арготизмов, встречается категория слов-окказионализмов. Среди них встречаются морфологически адаптированные к русскому языку географические названия. Например, «Сяменька» от названия китайского города Сямынь. Категорию слов-окказионализмов пополняют результаты опроса 50 студентов-китаистов НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, которым был задан вопрос: «Какими китайскими словами, адаптированными под нормы русского языка, вы пользуетесь?». Кроме вышеперечисленных, добавился глагол «подзобали» (от кит. 走 *zǒu* – ходить и 吧 *ba* – показатель повелительного наклонения), что можно понимать как «пошли», а также существительное «мафан» (от кит. 麻烦 *máfan* – сложный, хлопотный), то есть «проблема».

Количество ведущих свое происхождение из китайского языка диалектических лексем, жаргонизмов-арготизмов и окказиональных слов в русском языке крайне сложно подсчитать ввиду высокой степени подвижности лексического состава данных групп.

Проведенное исследование показало, что в русском языке количество заимствований из китайского языка действительно невелико, однако их число постоянно пополняется. В связи с этим представляется возможным констатировать недооценку исследуемого пласта лексики. В основном словарный состав русского языка пополняется за счет номинаций продуктов питания, а также обозначениями флоры и фауны. Помимо лексики, используемой на всей территории России, в приграничных районах широкое распространение

²⁰ Горелов В.И. Лексикология китайского языка. Москва. Просвещение, 1984. – С. 171

²¹ БКРС – большой китайско-русский словарь – онлайн [сайт]. URL: <http://www.bkrs.info/> (дата обращения: 15.12.2015)

получили диалектизмы, а в кругах владеющих китайским языком людей – жаргонизмы-арготизмы и окказионализмы. Таким образом, подтверждаются слова В.И. Горелова о том, что «заимствования обычно обозначают предметы и явления материального и духовного быта <...> и большинство заимствований с точки зрения категориальной принадлежности приходится на долю существительных»²².

Проведенное исследование показало, что не стоит рассматривать заимствования из китайского языка лишь как некую экзотику, поскольку некоторые лексические единицы настолько прочно вошли в состав русского языка, что сами носители уже не ощущают их иностранное происхождение (например, чай и книга). В заключение отметим, что весьма перспективным также будет изучение заимствований из русского языка в китайском.

CHINESE LANGUAGE WRITING IN RUSSIAN LANGUAGE

L.L. BANKOVA

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after NA Dobrolyubova

The work deals with Chinese borrowed words in the Russian language. The study of Russian words of Chinese origin has always been underestimated due to a low number of these borrowings in the language. However, because of extralinguistic factors in the last two decades the Russian language has seen new Chinese entrances enrich the word stock. Having analyzed a number of dictionaries of foreign words in Russian the author worked out a semantic classification of Chinese borrowings comprising 61 lexical units distributed among 11 semantic groups. "Names of food" enjoys the biggest count of words: 15. The next large group is "Names of flora and fauna" – 10 words. Other groups amount to less than 10 lexical units. Apart from the word stock of Chinese origin that is recorded in dictionaries (and enjoys a great degree of assimilation) the author pays attention to dialectic, professional slang and occasional words. Dialectisms of Chinese origin are spread across Russia-China border area. Professional slang and occasional words are harder to detect as their use is limited to a certain social group – learners and speakers of Chinese as a foreign language. Nonetheless, there is a probability that more words of Chinese origin will enter the Russian language as the number of cross-cultural contacts between Russia and China grows together with the number of Russian nationals speaking Chinese.

Key words: *the Russian language, the Chinese language, borrowings, foreign words, lexical assimilation, dialectisms, occasional words, slang and cant words.*

²² Горелов В.И. Лексикология китайского языка. Москва. Просвещение, 1984. – С. 143.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА» ГУЗЕЛИ ЯХИНОЙ – РОМАН О ВОЗВРАЩЕНИИ

Э.Ф. ШАФРАНСКАЯ

Московский городской педагогический университет

В статье поднимаются историко-этические вопросы, связанные с раскулачиванием и выселением людей с родных мест в тридцатые годы XX века. В романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза», рассмотренном в контексте литературы XX века, содержатся символические имена-концепты, их мифопоэтика: антропонимам Зулейха и Юсуф и топониму Семрук – уделено главное внимание в содержании статьи.

Ключевые слова: *Гузель Яхина, Юсуф, Зулейха, Симург, мифопоэтика.*

Из всех приемов художественного произведения заголовочно-финальный комплекс наиболее полно выражает авторскую концепцию. Последняя глава романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» называется «Возвращение». Откуда и куда случается возвращение? Возможно, перед читателем метафора? Эти вопросы – главная интрига романа.

Предварим разговор о дебютном романе Гузели Яхиной, удостоенном в 2015 г. литературной премии «Большая книга», отрывком из другого произведения – «Хлеб для собаки» (1969) Владимира Тендрякова.

«Лето 1933 года.

У прокопченного, крашенного казенной охрой вокзального здания, за вылушенным заборчиком – сквозной березовый скверик. В нем прямо на утопанных дорожках, на корнях, на уцелевшей пыльной травке валялись те, кого уже не считали людьми. <...> Большею частью это раскулаченные мужики из-под Тулы, Воронежа, Курска, Орла, со всей Украины. Вместе с ними в наши северные места прибыло и южное словечко “куркуль”.

Куркули даже внешне не походили на людей.

Одни из них – скелеты, обтянутые темной, морщинистой, казалось, шуршащей кожей, скелеты с огромными, кротко горящими глазами.

Другие, наоборот, туго раздуты – вот-вот лопнет посиневшая от натяжения кожа, тела колышутся, ноги похожи на подушки, пристроенные грязные пальцы прячутся за наплывами белой мякоти.

И вели они себя сейчас тоже не как люди. <...>

Больше всего походили на людей те, кто уже успел помереть. Эти покойно лежали – спали. <...> Взрослые обходили скверик» [12].

Вот эти раскулаченные, «куркули», стали персонажами романа Яхиной. В отличие от тендряковских куркулей, не доехавших до места, яхинские – доехали. Из Казани и Ленинграда – до сибирской тундры, до безымянного мес-

та. Из нескольких сотен – тридцать человек, вместе с надсмотрщиком. Доехали – и по-робинзоновски, без топора, начали обживать место, куда не ступала нога человека.

Роман Яхиной сконструирован в парадигме «жить стало лучше...» (так сделан акцент на витальности человека – несмотря ни на что; с другой стороны, читательское восприятие вступает в противоречие с позицией повествователя, его инфантилизмом): вот и избы появились вместо землянки, и меню стало разнообразнее, и свободы прибавилось. В подтексте читается: кем бы стала Зулейха, героиня романа, жена татарского кулака, останься она в своей Татарии, – а здесь, в Сибири, она «открывает глаза».

При чтении романа узнаваема цитация предшествующей литературы.

Рецензенты отмечают, что «председатель сельсовета Денисов – калька с шолоховского Семена Давыдова <...> профессор Лейбе... напоминает профессора Павла Алексеевича Кукоцкого. А сама зеленоглазая Зулейха так и вовсе похожа то на Скарлетт О'Хару времен голода и лесопилки...» [1].

Переключки не только в персонажах, но и в сценах. Человеконенавистническое раскулачивание, бандитский грабеж трудолюбивых крестьян в романе Яхиной схожим образом изображен у Исаака Бабеля в рассказе «Колывушка» (1930). Иван Колывушка, узнав, что его изба и хозяйство подлежат экспроприации, крушит всё, чтобы не досталось никому: забивает любимую кобылу. С этой сценой рифмуется фрагмент из романа Яхиной, когда Муртаза, муж Зулейхи, разрубает корову с ласковым именем Кубелек (Бабочка).

Из «Колывушки»:

«Дом твой под реманент забирают...

– А меня?..

– Тебя на высылку...

<...> Во дворе у Ивана стояла запряженная лошадь. <...> У погнувшейся липы посреди двора стоял пень, в нем торчал топор. <...> Удар пришелся между глаз, в рухнувшем животном еще раз повернулся жеребенок. Описав круг по двору, Иван подошел к сараю и выкатил на волю вейлку. Он размахивался широко и медленно, разбивая машину, и поворачивал топор в тонком плетении колес и барабана» [2: С. 160–161].

Из «Зулейхи...»:

«Не отдам, – мычит с набитым ртом. – В этот раз – ничего не отдам. <...> Муртаза выскакивает на улицу в распахнутом на груди кульмэк, с непокрытой головой. Озирается, грозя разыгравшейся метели топором. <...> Муртаза и Кубелек стоят посередине двора – лоб ко лбу. <...> ...Достает из-за спины топор и обухом шибает Кубелек меж больших влажных глаз с длинными ресницами. Корова с тихим глубоким вздохом валится на землю... <...>

– Вот вам – реквизиции в шестнадцатом! – Муртаза перерубает кости легко, как ветки. – Продуктовые армии в восемнадцатом! Девятнадцатом! Двадцатом! Вот вам сыпка! Вот вам продуктовый налог! Вот вам хлебные излишки! Возьмите! Если! Сможете!» [15: С. 59–64].

Лагерь раскулаченных, куда попадает Зулейха, своего рода срез советского общества со всеми социальными слоями: «бывшие», или дореволюционная интеллигенция, крестьяне, рабочие, маргинал-уголовник; многонациональная среда, как и сам СССР. Комендант подсчитал «все национальности, обитающие в Семруке, – девятнадцать штук получилось. Теперь, значит, еще две» [15: С. 457–458]: в ангарский поселок прибыли крымские греки и татары, «Басурман депортировали с южных территорий превентивно...» [15: С. 457]. Однако иноэтнокультурный текст в романе представлен именно татарский, который складывается вокруг главной героини, выражен бытовыми и рефлексивными – мусульманскими – фрагментами, мифологическими вкраплениями (мир Зулейхи – мир татарской демонологии).

Если линейно выстроенный сюжет – в виде травелога и робинзонады – не вызывает никаких сложностей в его постижении, то отдельного разговора заслуживает метатекст романа.

Место сибирского поселения раскулаченных и лишенных в правах переселенцев – безымянно. К коменданту приходит переговорщик и предлагает дать поселку имя. Остановились на мудреном для постороннего, но понятном для своих варианте: «Семь рук» – руки четырех главных спасителей и добытчиков (один из них – однорукий): «Четыре человека, спасшие наши жизни этой зимой, стоят того, чтобы их именем был назван поселок» [15: С. 341]. Машинистка сделала ошибку, пропустив мягкий знак, а наборщик удалил пробел, приняв его за ошибку, – так возник Семрук. Получилась контекстуальная огласовка сказочной птицы из татарского фольклора – Семруг, больше известной в мировой мифологии под именем Симург.

Как в фольклорно-мифологическом сюжете о могущественной птице Симург, под покровительство и заботу которой хотят попасть все прочие птицы (см.: [6]): она дарует жизнь, путь к ней долог и труден, из идущих к ней попали только тридцать птиц, так и тридцать поселенцев обрели возможность жить, пройдя те же семь препятствий, испытаний, что и сказочные птицы, – «долины» исканий, любви, познания, безразличия, единения, смятения и отращения. Эта инициация стала поиском смысла жизни, способностью обреченного на смерть человека к выживанию.

Собственно птицы в романе Яхиной упоминаются как детали обыденной жизни переселенцев: первой спасительной пищей сибирских робинзонов стали тетерева, далее пошли «рябчик и селезень с уткой» [15: С. 402]. Однако вскоре легкая добыча для пропитания закончилась: то ли птицы приноровились увертываться от охотника, то ли почти всех отстрелял комендант Игнатов.

В фольклорно-литературном метатексте о птице Симург значима деталь – упавшее птичье перо как волшебный знак благословения. «Никому не было дано увидеть Семруга – ни зверю, ни птице, ни человеку. <...> Когда-то, пролетая над далекой страной Китай, уронил Семруг одно перо – и весь Китай оделся сиянием, а сами китайцы превратились в искусных живописцев» [15: С. 399].

Благодать в виде пера, или перьев, коснулась и сибирского поселка Яхиной. Не потому ли повествователь так часто упоминает о перьях – вне метатекста вряд ли уместных. «Мягкие тельца взрываются фонтанами черных перьев...» [15: С. 236], «Зулейха <...> выдергивает из мягкого и податливого птичьего тельца перья» [15: С. 243], «Соберите лучше перья, – говорит Зулейха. – Пригодятся» [15: С. 244], «Зулейха открывает глаза. Солнечный луч пробивается... ползет... по цветастой бязевой подушке, из которой торчат черные хвостики тетеревиных перьев...» [15: С. 386], «Дверь на кухню с треском захлопнулась; в воздухе осталось парить отливающее изумрудом перо» [15: С. 403].

Остановимся на семантике имен главной героини и ее сына. Их имена пришли из мировой мифологии, имя Юзув – вариант огласовки: коранического имени Юсуф/Йусуф и библейского Иосиф. Юсуф – прекрасный юноша, наделенный талантами, добродетелями и красотой. Двенадцатая Сура Корана, посвященная Йусуфу, гласит: «Когда Йусуфу зрелый возраст подошел, / Ему мы даровали знание и мудрость, – / Так воздаем Мы тем, кто делает добро» [4: С. 266].

Мифологический Юсуф, прошедший через ряд испытаний (см.: [9: С. 226; 10: С. 601]), отзывается в судьбе Юзуфа, героя Яхиной: не раз он оказывался на грани между жизнью и смертью. «Так твой Господь избрать тебя намерен: / Тебя научит толковать события и сны...» [4: С. 265] – говорится о мудрости Юсуфа в Коране. «Понимать и разъяснять суть вещей, обладая пророческим даром, даром предвидения» [4: С. 710] – черта Юсуфа, отмеченная комментатором Корана. Эта свойство оборачивается в образе Юзуфа Яхиной устремлениями, объяснимыми временем и местом: «В газетах на агитационной доске иногда появлялись заметки и даже целые статьи про совершенные побеги из тюрем и лагерей. <...> Юзуф знал – его не поймут. <...> Как раз к вступительным экзаменам успеет. <...> Юзуф знал – его обязательно примут. <...> Денег на проезд не было. <...> Юзуф знал – ему повезет. <...> Решил: точно убегу. Знал – убежит. <...> Юзуф не знал, что делать с матерью, – это было, пожалуй, единственное, чего он не знал» [15: С. 486–489] (курсив наш. – Э.Ш.). Повторенные рефреном фразы акцентируют избранничество Юзуфа: он наделен особым знанием, предчувствием, предвидением.

Юзуф, поначалу сибирский Маугли, получает «домашнее» лагерное образование: старшие друзья – его добровольные учителя. Доктор Лейбе, увидев в мальчике продолжателя своего дела, растолковал ему скелетно-мышечную систему человека. Однако у Юзуфа другие планы: почувствовав себя художником, он хотел научиться рисовать человека, знать, как он устроен. «Юзуф, не сводя замороженного взгляда с доктора, принялся ощупывать свои коленки, щиколотки, ребра. – Вот здесь, – доктор взял Юзуфа за тощее запястье, – локтевая кость, ulna. Дальше – humerus, плечо. Clavicula, costae...» [15: С. 417].

О родине предков – татарском Юлбаше – Юзуф узнает от Зулейхи, о Ленинграде – от Изабеллы, она называла его Петербургом, а Иконников –

Петроградом. Художник Иконников, помимо уроков мастерства, дал Юзуфу визуальное знание практически о всех нишах внелагерной жизни. «Что на картине видишь, спрашиваю? – Реку... Неву. – Ну? А еще? – Дома каменные. – Ну? – Набережную. Людей. Деревья. Чаек. Рассвет. – Еще!» [15: С. 409–410]. Так Юзуф узнает Сену, Лазурные берега, Большую Неву, Стрелку Васильевского острова, Ораниенбаум.

Изабелла обучила его французскому языку, французским пословицам: «Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно – идти» – пословица, ставшая для него главной. И Юзуф решился – бежать, учиться в Ленинграде. Было лишь одно препятствие – мать, Зулейха. Итак, Юзуф и Зулейха.

Почему Яхина назвала своих персонажей такими именами, несущими сквозь века словесности несколько иной смысл? Пара *Юсуф и Зулейха* – библейская и кораническая – символизирует страсть женщины, соблазн красивым юношей («Но та¹, в чьем доме пребывал он, / Решилась совратить его, / И двери заперла...» [4: С. 267]), который выстоял в этом поединке: этические запреты были для него превыше чувств.

Зулейха у Яхиной – мать, беззаветно любящая сына, отъезд которого был бы для нее катастрофичен. «...Зулейка – это любящая, которая должна учиться отрекаться от своей любви» [5: С. 750]. И она переломила себя: добыла метрики для сына и проводила его в дальний путь, в неизвестность.

Однако не только этой – материнской – стороной предстает читателю Зулейха, но и традиционной, издавна известной не только на Востоке. У Иоганна Вольфганга Гете в «Западно-восточном диване» прототипом Зулейки стала его возлюбленная, Марианна Виллемер.

Что Зулейка в Юсуфа влюбилась,
Тут хитрости нет;
Он был юным, а юный приманчив расцвет,
Он красавец, твердила молва слово в слово,
А ее красота осчастливит любого
[3: С. 68].

Ни один восточный поэт не обходился без упоминания этой символической пары. Узбекская поэтесса Надира: «Как горько мне одной страдать, томясь в разлуке Зулейхой, / Тому, чья красота под стать Юсуфу самому, скажи» [7: С. 29]; «Разве Зулейха могла бы без Юсуфа жить...» [7: С. 29].

Узбекская поэтесса Увайси: «Не ставши рядом с Зулейхою, слов о любви не говори, / Сродни Юсуфу будь красою: в огне любви палим, учись» [13: С. 107].

Уйгурский поэт Билал Назым: «Я – Иосиф твой Прекрасный. За своею Зулейхой / Шел вперед я и ни разу не попятился назад» [8: С. 67].

Узбекский поэт Закирджан Фуркат: «Мои соперники, как у Юсуфа Зулейха, / За красоту твою готовы дать залог» [14: С. 47]; «Откуда гордому Юсуфу постичь страданья Зулейхи...» [14: С. 47].

К устойчивым образам Зулейхи и Юсуфа обращается не только литература Нового времени, но и Средневековья: «Эти мальчики – мои сыновья, а обиженная женщина – моя законная жена. Их отобрали у меня силой. Но божий про-

мысел предрек вернуть мальчиков, словно Юсуфа, а мою законную жену, подобно Зелихе², увели под угрозой смерти» [11: С. 152].

Тем убедительнее выглядят эти мифологические образы в романе ХХІ века, особенно образ Зулейхи, имя которой вынесено в заглавие романа: сохраняя традиционный смысл, образ поворачивается новой гранью.

Случилось ли возвращение? Юзуф ли вернулся туда, где никогда не был? Зулейха ли обрела душевный покой? Решать читателю. В любом случае роман возвращает к страницам истории, которые однозначно были и забывать которые преступно.

Примечания

¹ Зулейха – жена хозяина дома, вельможи Фараона (комментарий Иман Валерии Пороховой; см.: [4: С. 711]).

² Зелиха – одна из огласовок имени Зулейха. «Зелиха – по Корану, имя жены египетского вельможи, пытавшейся соблазнить Юсуфа (Иосифа Прекрасного); в мусульманской литературной традиции символизирует женскую красоту и неудержимую любовь» [11: С. 475].

ЛИТЕРАТУРА

Абашева М., Абашев В. Книга как симптом: Как сделан роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Новый мир. 2016. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/5/kniga-kak-simptom.html
Дата обращения: 30.03.2017.

2. Бабель И. Колывушка // И. Бабель. Собр. соч.: В 4 т. М.: Время, 2006. Т. 3. С. 158–166.

3. Гете И.В. Западно-восточный диван / Под ред. И.С. Брагинского. М.: Наука, 1988. - 895 с.

4. Коран / Пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. М.: РИПОЛ классик, 2004. - 800 с.

5. Михайлов А.В. Примечания // И.В. Гете. Западно-восточный диван / Под ред. И.С. Брагинского. М.: Наука, 1988.- С. 750.

6. Навои А. Язык птиц: Поэма. М.: Наука, 2007. - 384 с.

7. Надира. Избранные стихотворения. Ташкент, 1979. - 128 с.

8. Назым Б. Избранное. Ташкент, 1982. -112 с.

9. Пиотровский М.П. Юсуф // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 226.

10. Пиотровский М.П. Юсуф // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 601.

11. Средневековая персидская проза / Пер. с перс.; сост. Н.Ю. Чалисовой; предисл. Н.Б. Кондыревой. М.: Правда, 1986. - 480 с.

12. Тендряков В. Хлеб для собаки. URL: <http://maxreferral.ru/referat/dlya-studenta/vladimir-tendriakov-khleb-dlia-sobaki-tekst/> Дата обращения: 30.03.2017.

13. Увайси. Избранное. Ташкент, 1981. - 160 с.

14. Фуркат З. Избранное. Ташкент, 1981. - 128 с.

15. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016- 508 с.

GUZEL YAKHINA'S "ZULEIKHA OPENS HER EYES" AS A NOVEL ABOUT RETURNING

E.F. SHAFRANSKAYA
Moscow City Pedagogical University

The article raises the issues associated with the history and ethics of dispossession of kulaks and eviction of people from their native places in 1930s. Considered in the context of the twentieth century literature, the novel "Zuleikha opens her eyes" by Guzel' Yakhina contains symbolic names-concepts. The main attention is given to mythopoethics of the anthroponyms "Zuleikha" and "Yuzuf" and the toponym "Semruk".

Key words: Guzel' Yakhina, Yuzuf, Zuleikha, Simurg, mythopoethics.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ

С.Б. САМУЭЛЯН
ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова,
И.В. ЛЕБЕДЕВА

Каспийский институт морского и речного транспорта, г.Астрахань, РФ

Пособие носит название “Русский язык. Учебное пособие по развитию речи (для студентов финансового факультета), разработано коллективом авторов в составе Л.Р. Тоноян (финансы, анализ и управление рынка ценных бумаг – темы 1-14), М.Г. Григорян (страховое дело, таможенное дело – темы 15-19), Ш.В. Арутюнян (банковское дело – темы 20-25). Как отмечено в аннотации, “пособие рассчитано на студентов финансового факультета АГЭУ. Цель пособия – способствовать выработке навыков и умений в чтении учебной литературы по экономике, восприятия и воспроизведения содержания прочитанного в устной и письменной форме и свободного владения русским языком как языком специальности”.

Учебные темы (всего 25 уроков) представлены текстами по экономике.

Каждый урок включает:

- неадаптированный текст для чтения и изучения активизируемого лексико-грамматического материала;
- лексико-грамматические упражнения к тексту;
- тексты по изучаемой теме для перевода с русского языка на армянский и с армянского языка на русский.

Тексты предваряются списком активной лексики, в который включены слова и словосочетания преимущественно терминологического характера. Система заданий по каждой теме начинается с работы над текстом (деление текста на смысловые части, постановка вопросов, составление плана, подбор заголовка, вычленение новой информации при сравнении сходных по содержанию текстов, комментирование прочитанного, обсуждение поднятых в тексте проблем и т.д.).

Цель лексико-грамматических заданий к текстам – закрепить и активизировать лексику по теме, необходимый минимум специальной терминологии. Этой цели подчинены все типы заданий: работа над синонимичными и антонимичными словами и выражениями, паронимами и омонимами и особенностями их употребления, словообразованием, глагольным управлением и глагольно-именными словосочетаниями. Тексты по экономике, входящие в пособие, заимствованы из научных изданий, вузовских учебников, перечень которых приводится в конце книги. Материалы, помещенные в учебном пособии, интересны, актуальны, отвечают основным лингводидактическим принципам и современным требованиям профессионально и компетентно ориентированного обучения русскому языку как языку специальности в вузе, облегчат работу студентов по усвоению содержания учебников по экономике и помогут им овладеть русским языком как языком специальности.

Благодаря продуманному и, в большей степени, классическому содержанию со временем чужое, как показывают результаты, обязательно переходит в другую стадию, когда оно также остается не совсем понятным, но уже более знакомым и воспринимается как вполне нормальное явление языковой действительности, не вызывающее дискомфортных эмоций.

ХРОНИКА

«РУССКИЙ ЯЗЫК – ГАРАНТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В XXI ВЕКЕ»

9 июня в Российском центре науки и культуры в Ереване состоялась презентация сборника Международной научно-практической конференции преподавателей и учителей русского языка и литературы, студентов, магистрантов и аспирантов «Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межнационального и межличностного общения в XXI веке».

Организаторами конференции являются Российский центр науки и культуры в Ереване, Армянская ассоциация русистов,

Армянская ассоциация учителей русского языка и литературы, Армянский союз выпускников российских вузов и Координационный совет российских соотечественников в Армении при содействии Посольства Российской Федерации в Республике Армения и Министерства образования и науки Республики Армения.

Мероприятие было посвящено памяти известного методиста, лингвиста, доктора педагогических наук, профессора, академика Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации Беллы Марковны Есаджян. В рамках презентации состоялась выставка учебников, учебно-методических пособий, научных и научно-методических трудов Б.М. Есаджян.

Начальник отдела русского языка РЦНК в Ереване Наталья Ерёменко открыла презентацию, отметив, что в конференции приняли участие более 50 русистов из Армении, России и Грузии, которые обсудили актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания русского языка в школе и вузе.

Заместитель директора РЦНК в Ереване Ацамаз Биченов приветствовал всех присутствующих и подчеркнул, что за 65 лет педагогической деятельности не одно поколение выросло на учебниках русского языка Беллы Марковны Есаджян. Она возглавляла работу редакционной коллегии научно-методического периодического издания – журнала «Русский язык в Армении», который получил международное признание и заслуженный авторитет среди специалистов в области русистики.

Главный специалист Управления общего образования Министерства образования и науки Республики Армения, президент Армянской ассоциации учителей русского языка и литературы Лилия Баласян отметила, что благодарна судьбе за то, что ей выпало счастье работать и общаться с Беллой Марковной, которая щедро передавала своим коллегам и ученикам бесценный опыт, была человеком мира, интересным для всех.

Сын Беллы Марковны, заведующий лабораторией Научного центра зоологии и гидроэкологии НАН РА Марк Калашян, поделился своими воспоминаниями и выразил благодарность за организацию мероприятия.

В своих выступлениях коллеги А.А. Эйрамджянц, Л.Б. Матевосян, К.М. Тамирог-лян и Г.Нерсисян отметили, что светлая память о Белле Марковне Есаджян навсегда сохранится в сердцах её друзей, единомышленников и всех, кто её знал.

В мероприятии приняли участие члены семьи Беллы Марковны, заведующие кафедрами, преподаватели вузов, учителя школ Армении.

Представительство Россотрудничества в Армении

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕТОДИКА

М.Э. Линёва	Роль и место глагольной префиксации в практике преподавания русского языка.....	3
Р.С.Тер-Саркисова	Разновидности игровых заданий на уроках русского языка в армяноязычной аудитории.....	10

ЛИНГВИСТИКА

В.А. Адамян	Реакция на речевой акт просьбы.....	17
В. В. Мадоян	Словарь – универсал: к постановке проблемы создания.....	26
С.З. Шейранян	Массовая коммуникация и пропаганда культуры речи	36

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Л. Л. Банкова	Заимствованные слова из китайского языка в русском языке.....	48

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Э.Ф. Шафранская	«Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной – Роман о возвращении.....	57

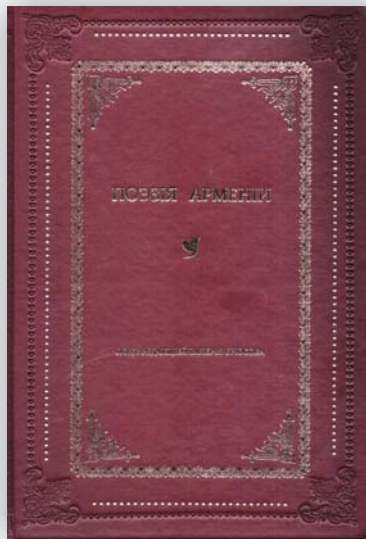
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.Б. Самуэлян, И.В. Лебедева	Учебное пособие по развитию речи.....	63

ХРОНИКА

Представительство Россотрудничества в Армении	«Русский язык – гарант межнационального и межличностного общения в XXI веке».....	64

ВЫШЛИ В СВЕТ

В уникальный труд В.Я. Брюсова “Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней”, 100-летие которого исполнилось в октябре 2016 г., мы сознательно поместили “Вместо предисловия” небольшую обзорную статью “Первооткрыватель армянской поэзии” с целью показать читателю:

- что привело В. Брюсова к созданию антологии;
- как воспринял В. Брюсов поэзию Армении всех времен;
- какую морально- политическую роль сыграло издание “Поэзии Армении”, для стоявшего на грани физического истребления армянского народа.

В конце книги в “Приложении к V изданию” мы также сочли целесообразным в качестве дополнения поместить, не вошедшие в антологию стихи в переводе в основном В. Брюсова, и других переводчиков.

Нашей конечной целью было для полноты картины собрать воедино все сделанное В. Брюсовым по переводам армянской поэзии.

Вышедшая несколько месяцев назад в Москве по рекомендации ученого совета Института языкознания РАН монография В.В.Мадояна “Значение и мысль в статике и динамике двух языков” прежде всего отличается доказательной силой выдвигаемых положений, что вообще присуще научным трудам автора. В соответствии с заглавием работа посвящена анализу семантики слова и предложения, в основном, в русском и армянском языках.

В монографии В.В. Мадояна “Значение и мысль в статике и динамике двух языков”, вышедшей в Москве по рекомендации ученого совета Института языкознания РАН, посвящена анализу семантики слова и предложения в русском и армянском языках. Результаты исследований автора позволяют по-новому решать существующие задачи (применять субстанциональное толкование семантики, оценивать ее внутреннее развитие и др.) и ставить перспективные проблемы (устанавливать условия однозначного определения значения слова в контексте, разрабатывать словари-универсалы, определять общее значение предложения с учетом практической значимости классификации и др.).